

СИБИРСКИЙ ФОРУМ

2015 | апрель
интеллектуальный
диалог

ВЕЩИ: ИЗМЕНИВШИЕ СЕГОДНЯШНИЙ МИР и что-то в нас самих

● стр. 2-24

КТО-ТО НЕ ВПИШЕТСЯ

Анна Качкаева:

● стр. 6

«Мы не просто смотрим телевизор или только слушаем радио, а параллельно существуем в сетях, можем это обсуждать. Это изменение не только модели потребления, но ещё и освоение нового языка, потому что очень многие люди стали сами себе цифровыми публикаторами, поисковиками, создателями».

ПАРКОВ МНОГО НЕ БЫВАЕТ

Ольга Вальдман:

● стр. 14

«Директор собрала педагогов, человек 30-40, я обрисовала им ситуацию: мол, есть такой неденежный проект, который способен изменить среду, окружающую нас, в лучшую сторону. По глазам аудитории было понятно, кому интересно, а у кого — полное отторжение: то, что я предлагала, представлялось им дополнительной нагрузкой к и так не маленьким обязанностям».

ЭСКИЗ НА ФАСАДЕ ОПЕРНОГО

Юрий Жоров:

● стр. 18

«Обычно дизайнер рисует картинку и показывает её заказчику. А мы хотим сделать какой-нибудь уголок в университете, желательно вообще отдельную аудиторию с проекцией интерьера на четыре стены; туда заводим заказчика, чтобы он смотрел не на картинке интерьер, а в нём присутствовал».

«Мы главное стали считать второстепенным, а второстепенное главным. Рейтингуем школы по ЕГЭ, по олимпиадам, не понимая, что, по сути, имеем дело с очень серьёзным социокультурным феноменом — разрушением шкалы нравственных ценностей, — бьёт тревогу академик. — В социуме напряжение растёт. Какую задачу я считаю сегодня главной? Формирование толерантности (кстати, учёные утверждают, что формировать это качество можно только до 5,5—6 лет). Этот термин в России не любят... Не нравится «толерантность», назовите иначе — великодушие, умение принять другого, ведь градус ненависти подчас зашкаливает, а это пропитывает сознание детей, заражает».

Е. Ямбург о практиках преподавания
● стр. 11

«Смешные букли!» — говорили барышни XIX века, рассматривая портреты своих прабабушек. Нам, чтобы удивиться переменам, не надо оглядываться на предыдущее поколение. Мы задаём вопросы самим себе: неужели эта труба с антенной, помещающаяся в карман и пристёгиваемая к ремню рядом с барсеткой, — наш первый мобильный? И неужели это мы записывались в видеосалон, чтобы посмотреть фильм Сокурова (в плохом качестве через плохую приставку)? И ещё недавно опускали конверты в почтовые ящики? И жили без Интернета! А сделать копию — это означало перепечатать текст под копирку.

Перемены, происходящие в текучке жизни, достаточно трудно осознать. Одно дело — революция, оттепель или перестройка: потрясения

общественных основ ввергают в раздумья массы современников. А кто станет особенно размышлять о том, что вот мы выходим в скайп — и это ставит под вопрос душевное понятие «давно не виделись». Мы читаем с экрана — и уже непонятно, что делать с фамильной библиотекой. Смотрим ролики и презентации — и отвыкаем отлеживать логические связи. Наряжаем искусственную ёлочку — и... сохраняем леса? или утрачиваем чувство подлинности в любимом с детства празднике?

Сегодня мы попробовали осмотреться вокруг, чтобы увидеть те вещи и процессы, которые уже изменили и продолжают менять жизнь вокруг нас — к радости и печали.

Позитивные? Негативные? Объективные!

Город — это постоянно изменяющаяся, живая среда. И всё потому, что по большому счёту он состоит не из улиц и домов, а из людей и их сложнейших взаимоотношений. Город состоит из больших и малых событий, которые вокруг этих людей происходят. Из их пристрастий, надежд, предпочтений и заблуждений. И, конечно, из их насущных потребностей и всегда меньших, чем хотелось бы, возможностей.

А потому не удивительно, что город, как всё живое, подвержен постоянным и неизбежным изменениям, на которые когда успешно, а когда нет, пытаются влиять профессионалы.

Каковы же в последнее время эти изменения в нашем любимом Красноярске — позитивные или негативные? Они, как и всегда, объективные, — считает главный градостроитель института Красноярский Гражданпроект Татьяна Павловна ЛИСИЕНКО.

— Если оценивать город исключительно с позиций эстетики, не беря во внимание всё остальное, то можно назвать с десяток критериев, по которым дать оценку можно достаточно легко, просто и убедительно. Но, думаю, такой подход хорош лишь при абстрактных, ни к чему не обязывающих, сугубо научных изысканиях.

На самом же деле в реальности оценивать эту живую среду по жёстким критериям бессмысленно. И не только в смысле эстетики. Почему? Да просто не получается. И вообще, никогда не получается так, как хотели бы профессионалы.

Это, конечно, грустно, но здесь ничего не поделаешь. Свою жизнь я посвятила формированию городской среды и могу сказать, что градостроитель в силах повлиять только на какие-то отдельные процессы, определяющие развитие города. И повлиять лишь частично. А всё потому, что жизнь сама диктует правила игры. И диктует достаточно жёстко, не считаясь с нашими пожеланиями.

За те сорок лет, что я живу в Красноярске, город изменился очень силь-

но. Разумеется, эти изменения будут происходить и дальше. Возможно, ещё более стремительно. Наш город, несомненно, будет расти. И для этого ему совсем не обязательно иметь в запасе какой-то исключительно притягательный инвестиционный проект. Если не из других регионов, то из наших сельских поселений и малых городов совершенно точно будут приезжать всё новые и новые молодые люди в поисках работы и реализации своих возможностей и потребностей. В этой ситуации задача градостроителя и тех, кто призван управлять этим процессом, состоит в том, чтобы создать условия для более-менее гармоничного роста города, не допустив коллапса.

Сегодня эти процессы значительно усилились. И не потому, что у нас кризис сельского хозяйства. Просто там, где раньше работало триста человек, сегодня работает тридцать. А то и вовсе только три. Сельское хозяйство уже не требует, как прежде, большого количества рабочих рук. При этом у нас пока нет никаких предложений, которые смогли бы удержать людей на месте. Мы же не можем им всем предложить наблюдать бабочек.

— **Можно согласиться, что рост города неизбежен. Но насколько оправданы столь значительные изменения в облике Красноярска? Имеется в виду плотность и высотность застройки, зачастую не только эстетически не обоснованные, но и снижающие качество среды по причине несоответствующей им социальной и транспортной инфраструктуры.**

— Если исключить оценочные моменты, отбросить рассуждения о природе бизнеса и человеческой алчности, а сосредоточиться исключительно на объективных, базовых причинах, то ответ может быть следующий: город уже не в состоянии позволить себе расти по той схеме, что с успехом применялась совсем недавно. Схеме, которая давала ему возможность естественно развиваться по мере необходимости. Красноярск сегодня уже не имеет произвольных, как прежде, границ. Он граничит с муниципальными образованиями, у которых свои виды на собственное развитие, на использование своих территорий. И потом, не надо забы-

вать, что появилось такое понятие, как стоимость земли.

Всё это, как известно, началось с перестройкой. В первые годы особых изменений не происходило, какое-то время у города ещё оставались свободные территории. Но вот они закончились. И подошла очередь территорий застроенных. К тому же выросла стоимость земли, стоимость инженерных коммуникаций. И, как следствие, мы стали расти вверх и строиться плотнее.

Надо сказать, мы здесь не оригинальны. Такое происходит повсеместно. Но для городов, расположенных на территориях с менее активным, чем у нас, рельефом, последствия этого не так заметны, не так болезненны. В Красноярске же эти изменения повлекли за собой эпохальное для города событие — изменение ландшафта.

И вот уже привычная нашему глазу Николаевка из застройки, сохраняющей естественный ландшафт, превращается в застройку, его уничтожающую. Проезжая по Коммунальному мосту, мы стали видеть какой-то совершенно чуждый нам город. Мы — это те, кто прожил здесь десятки лет. Но для кого-то он совсем не чужой. Кто-то не видел, что и как было раньше. А потому его оценка этих изменений может оказаться иной.

Вообще, оценить, красиво это или не красиво, невозможно. Да такой вопрос и не ставится. Не исключаю, что

кому-то этот каменный лес на горах может казаться прекрасным. При желании ведь во всём можно разглядеть красоту. Даже в покосившемся заборе.

Или возьмём Покровку. Пока часть существовавшей там одноэтажной застройки ещё сохраняется. И только потому, что естественный ландшафт Покровской горы защищён охраняемыми грамотами — он не должен меняться. Но в стороне всё же возникли новые микрорайоны. И они, безусловно, изменили силуэт города.

Изменился и створ Енисея (когда смотрим в сторону Дивногорска). Он был уникален — с одной стороны великолепный Бобровый лог, а с другой крутые склоны системы гор левобережья. Всё это уже преобразовалось и со временем, думаю, будет восприниматься нами спокойно. Ничего не поделаешь. Будем разглядывать фотографии и показывать детям, каким был их город.

— **Но неужели нельзя было застраивать эти территории более бережно по отношению к естественному ландшафту? Там вполне подходящее место для возникновения малоэтажных жилых комплексов, обеспечивающих более высокий уровень комфорта, чем эти несоразмерные человеку башни и циклопические железобетонные коробки, в которых ещё можно как-то работать, но жить уж точно не уютно.**

— В теории — да. Но на практике мы не можем жить шикарней, чем позволяют наши финансовые возможности. Конечно, специалисты могут нарисовать великое множество красивых картинок. Но всё это бесполезно, к сожалению. Если бы такая застройка была в Красноярске востребована, она бы там появилась.

Тем не менее есть вещи, которые требуют других подходов. При всей неизбежности изменений у нас должно быть понимание, что в нашем городе должно оставаться неизменным. И только потому, что утрата лица совершенно не допустима, какие бы аргументы кто ни выдвигал. И непростительна. Мы должны сохранить исторический центр Красноярска, как бы ни были заманчивы в плане доходов предложения потенциальных инвесторов, желающих в него внедриться своими бизнес-проектами.

Конечно, сохранение объектов исторического и культурного наследия — это большие финансовые затраты. Но мы просто обязаны перед будущими поколениями изыскать эти средства. Более того, на мой взгляд, надо ввести в реестр охраняемых объектов и те здания, которых в нём сегодня нет. Проспект Мира — это визитная карточка города, его лицо, а потому он не должен изменяться, как бы ни изменялся город. А если это всё же произойдёт, и он изменится, то это будет уже не Красноярск, а что-то совсем другое. Это как испортить Покровскую гору с её часовней Параскевы Пятницы.

То же самое можно сказать и об историческом квартале на улице Карла Маркса. Нас просто не поймут, если мы, исходя из сиюминутной выгоды, позволим уничтожить последние в Красноярске образцы городских сибирских усадеб.

— Но ведь и наш природный ландшафт уникален. Именно его, а не наши архитектурные достижения в первую очередь отмечают гости Красноярска. Куйсумские горы, ограниченные с востока Чёрной сопкой, а с запада скалами заповедника Столбы, всегда и у всех вызывают неизменный восторг. Когда смотришь на них, так и слышишь слова Антона Павловича, сказанные о наших берегах.

— Если вернуться к теме изменения ландшафта, то нам надо всегда помнить, что силуэт гор на правом берегу Енисея — это основа, стержень нашей городской идентичности. Ни в коем случае нельзя допустить, чтобы этот ландшафт изменился из-за интенсивной застройки правобережья.

Хотя, как мне кажется, изменить его очень трудно. Даже огромные дома, которые возникают у нас в микрорайоне Тихие зори, не могут подавить мощь этих величественных гор. По этой причине, на мой взгляд, нет особого смысла и в появлении на их фоне каких-то уникальных архитектурных объектов. Что бы мы не соорудили у подножия этих гор, они нас победят. Не надо даже стараться. В любом случае эти горы и эти скалы доминируют в этом пространстве. Пока. И надо это сохранить, не испортить.

— Татьяна Павловна, разговор об изменениях, произошедших в городе за последние годы, получается достаточно грустный. Неужели в сознании горожан совсем не случилось изменений, способствующих позитивным тенденциям в развитии городской среды?

— Разумеется, такие изменения есть. Правда, их истоки зачастую обнаруживаются в явлениях, которые позитивными назвать довольно сложно. Например, сегодня в обществе глубоко и надёжно укоренилось понимание необходимости активного отдыха и вообще правильного образа жизни. Нельзя сказать, что такое понимание доминировало в общественном сознании во времена детства моего поколения.

Когда мы росли, мы не думали, что надо быть здоровыми. А просто были здоровыми. Ели простую здоровую пищу и с утра до вечера бегали на улице. У наших родителей в этом

смысле не было особых проблем. И всё потому, что не было этой загрязнённой среды, не было этой скученности. А сейчас мы живём вот в этих городах, в этих человекоубийцах, как говорил Александр ЗИНОВЬЕВ. Мы уже горбим чувством давление этих человекоубийцев. Вот волей-неволей и пришли к пониманию.

Ну, а это понимание, как только созрело и окрепло, сразу потребовало изменений в городской среде. Взять остров Татышев. Мы ведь за то время, что я работаю в Гражданпроекте, раз пять делали планировку этой рекреационной зоны. Но только на шестой раз проект начал реализовываться. И всё потому, что стал востребован.

А раньше у города просто не было понимания, что это важно. Нет, мы то видели, понимали, насколько важна для Красноярска эта рекреация. Специалисты всегда раньше видят, да только далеко не всегда к ним прислушиваются.

И вот оказалось, что проектировали не зря. Если бы не было той подготовительной работы, сомневаюсь, что город успел бы вовремя заняться островом. Этот уникальный рекреационный ресурс в случае стихийного освоения мог быть просто в считанные годы уничтожен вдруг появившимися толпами любителей активного отдыха на природе в лице жителей Взлётки и Северного. Ведь им рядом с домом после рабочего дня больше и отдыхать негде.

Но надо сказать, что остров Татышев и сейчас может быть буквально затоптан, если не будут обустроены другие рекреационные территории, способные принять всё возрастающие потоки отдыхающих.

К счастью, у нас ещё сохранились ресурсы. Например, горы и леса правобережья, подступающие к городу с юга — от Чёрной сопки до Нижней Базаихи. Но к ним до сих пор нет удобных выходов. По сути, только на Столбы нормальная дорога. Нужно быстро делать другие выходы и организовывать там рекреации, не дожидаясь критических ситуаций, которые неизбежны при стихийном освоении. К сожалению, кое-что там уже нарушено.

Или взять Берёзовую рощу на левом берегу. Это десять процентов периметра города, где человек непосредственно прикасается к природе. Сегодня генплан сделан так, что эти проценты должны увеличиться до сорока. Но выходов опять же нет. А мы уже должны быть готовы выйти в это

пространство, чтобы обеспечить сохранность лесов в условиях резкого роста их посещений. Особо остро этот вопрос встаёт в связи с Универсиадой.

— Кстати, на днях в Красноярске прошёл митинг в защиту городских лесов. И это ещё раз подтверждает, что горожане в последнее время проявляют всё большую активность. Чего стоит одно только обсуждение нового генерального плана. Думаю, это тоже можно отнести к позитивным изменениям.

— Конечно, трудно не согласиться, что изменения в сознании горожан произошли значительные. Но всё же пока они не достаточны для того, чтобы городская среда сколько-нибудь заметно улучшилась. От пассивности, заложенной в нас эпохой, когда власть гарантировала людям в новых микрорайонах и школы, и детские сады, и поликлиники, и спортивные площадки, и скверы с парками, ока-

на от потребностей и возможностей городского населения. По большому счёту и власть, и строительный бизнес, который многим видится таким всемогущим, на самом деле в прямой зависимости от этих потребностей и возможностей.

Власть и бизнес всего лишь отвечают на вызовы общества, а не лидируют. А потому, прежде чем обвинять их во всех смертных грехах, следовало бы оглянуться на себя. И раз и навсегда понять, что мы все ответственны за то, как выглядит город. Именно от нас зависит, насколько он красив, удобен для жизни и безопасен. И нет особого смысла гневно протестовать против предельно плотной застройки, против отсутствия школ и поликлиник, парков, скверов и всего прочего, когда мы сами же голосуем своим собственным рублём за весь этот градостроительный беспредел.

Разговор с Татьяной Павловной Лисиенко, несмотря на общую минорную тональность, тем не менее можно закончить вполне оптимистично. Ведь если следовать предложенной ею логике, то со временем можно прийти к градостроительной ситуации даже более благоприятной, чем была в советский период. Тогда власть сознательно завывала и потребности, и возможности граждан, ориентируясь на светлое будущее. Населению же оставалось лишь принимать её представления о том, как это будущее должно выглядеть, не имея возможности выбирать. Ведь квартиры тогда не покупались, а давались.

Сегодня никто квартиры даром не раздаёт. Но никто и не заставляет силой их покупать. А значит, у нас появился выбор. Правда, ещё очень небольшой — предложения на рынке пока не отличаются разнообразием. Тем не менее, имея возможность голосовать рублём, мы рано или поздно придём к той городской среде, которая вполне нас устроит.

Конечно, хотелось бы прийти к этому, как говорится, при жизни. Но и здесь есть все основания для оптимизма. Как показывает мировой опыт, там, где хоть сколько-нибудь возросли потребности и возможности населения, массовая жилая застройка довольно быстро приобретает вполне приемлемый, гуманный вид.

В последнее время всё чаще в информационном пространстве можно встретить изумляющие россиян сообщения о насильственном сокращении этажности построенных в конце прошлого века жилых зданий. А то и вовсе увидеть прямо-таки апокалипсические кадры сноса целых жилых массивов, утративших для платежеспособных горожан привлекательность и по этой причине превратившихся в трущобы. Похоже, и нам на своём веку предстоит увидеть нечто подобное. И даже, может быть, ещё раз пережить очередное эпохальное событие — изменение ландшафта. Точнее сказать, возвращение.

И вот тогда, возможно, сбудутся предсказания норвежского астронома Кристофера ХАНСТЕНА, который в 1829 году вместе с физиком и путешественником Георгом Адольфом ЭРМАННОМ ознакомился в Красноярске с его новым «высочайше утверждённым» генеральным планом, разработанным под руководством архитектора Вильяма ГЕСТЕ.

План этот, по словам Ханстена, «был не что иное, как проект переустройства Красноярска, с широкими улицами, общественными учреждениями, садами и т.п. По проекту это будет самый красивый город Сибири, природа и искусство будут способствовать этому великолепию».

Дивиденды от жизни в Сибири

«Сибирь — это бренд, и на нём должны зарабатывать мы сами, а не кто-то другой!». Вот так довольно жёстко сформулировал тезис Константин ПОНОМАРЁВ — преподаватель факультета журналистики Новосибирского государственного университета, участник конференции «Сибирское медиапространство 2020», которую в марте провёл Институт филологии и языковой коммуникации СФУ. Тема внешнего представления самих себя всегда привлекательна, и мы решили продолжить её, обсудив, как развитие бренда Сибири может помочь в изменении нашей жизни. Константин Анатольевич для этого как раз подходящий собеседник — и сибиряк, и новосибирец — представитель в определённой степени города-конкурента.

— Сибирь — действительно бренд, и достаточно устойчивый. Но ведь жизнь меняется и в Сибири. Как вы считаете, что наиболее сильно в последнее время изменило жизнь сибиряков?

— Конечно, Интернет. Сибирь всегда была территорией, оторванной от коммуникаций, её транзитные возможности, к сожалению, не реализовались в полной мере. То, что над нами летают самолёты в Юго-Восточную Азию, не играет для нас почти никакой роли. А что потенциал Транссибирской железной дороги не используется — это притча во языцах. В этом смысле Сибирь до сих пор остаётся «медвежьим углом», потому что, как верно отмечают наши коллеги из Европы, чтобы попасть в Сибирь — нужно ехать целенаправленно в Сибирь. А ведь есть много мест на планете, куда можно попасть проездом, транзитом: следуя в Англию, оказаться в Берлине; или, отправляясь в Японию, оказаться в Москве. А вот чтобы человек попал в Сибирь, чтобы он получил своё представление о том, как здесь живут люди, надо сюда специально ехать.

И только наличие Интернета, включённость в новостные, глобальные, информационные процессы уменьшило или практически ликвидировало эту нашу оторванность от реалий сегодняшнего мира.

— Означает ли это, что и наше самосознание изменилось?

— Не думаю, что уже изменилось сознание, но для начала изменилась наша повседневность, наше поведение. Сейчас мы находимся в одном информационном поле со всей планетой и можем комментировать, писать, выкладывать фотографии, создавать свои новостные поводы... И таким образом делать наш регион интересным другим.

— А есть здесь риски, что, влившись в мировые события и узнав, как живут в других странах, мы начинаем видеть — и тоже ежедневно — насколько сами живём бедно, несобытийно?.. Не повлияла ли именно эта открытость на то, что молодёжь из сибирских городов вдруг вся помчалась для начала в Москву, а там и дальше — в Европу?

— Любая открытость, любой бы-

стрый обмен информацией ставит под вопрос привязанность человека к месту его пребывания. Я периодически смотрю англоязычные сайты и ищу там новости про Сибирь. На днях была новость про то, что продвинулся проект создания скоростной железнодорожной магистрали с Дальнего Востока на Аляску. И к этой новости журналисты подверстали статистику (конечно, её надо проверять): якобы 50% жителей Сибири за всю жизнь никуда не выезжали. Если это правда, то это показывает низкую мобильность нашего населения, притом что современный мир требует другого.

Сегодня поговорка «Где родился, там и пригодился» утрачивает своё значение. С моей точки зрения, вот это состояние «я живу здесь, в этом конкретном месте» — современным человеком утрачено. Массу сибиряков я встречаю в Праге, в Берлине, в Питере. И при этом они не оторваны от своего дома информационно, они знают новости своего города, они приезжают погостить, их родители здесь остаются...

Этот факт — «она уехала» или «он уехал» — не нужно больше воспринимать как трагедию. Это — ресурс. Раньше у нас не было этого ресурса — множества людей, которые живут в других странах, но остаются гражданами России, живут в Москве и Петербурге, но по-прежнему любят Сибирь. Вопрос теперь — как мы сможем этот новый ресурс использовать.

Заметным изменением последнего времени я бы назвал и возникшее понимание того, что мы сами развиваем этот регион и в состоянии сами принимать определённые решения. Вы говорите о людях, которые уезжают, но можно ведь говорить и о тех, кто приезжает из других городов, чтобы здесь жить. И они хотят менять структуру своего нового места жительства: строить велодорожки, придумывать перфомансы, хэппенинги, ставить полки буккроссинга, организовывать фестивали субкультур и т.д. Уверю вас, если бы им не хотелось жить в этом регионе, они бы этого и не делали, а сидели бы и раздумывали, как отсюда поскорее уехать.

Кстати, Сибирь находится при-

мерно в таком же отношении к более развитым территориям мира, как районы Красноярского края — к Красноярску. Ведь это тоже проблема, когда человек из Новосёлова или Ермаковского приезжает учиться в Красноярск — попробуй замани его обратно в райцентр. Но если в райцентре провели Интернет, газ, сделали хорошие дороги, поддерживают интересную жизнь... Например, в Новосёловском районе зимой по льду Енисея проводятся гонки... К таким событиям хочется возвращаться.

А ведь молодое поколение, которое уже съездило посмотреть мир, рано или поздно встанет перед необходимостью выбирать место, где жить. И любой регион Сибири может оказаться весьма привлекательным местом для этого, потому что многие молодые семьи сейчас хотят жить в своих домах, на земле, а не в тесных квартирах.

Этот образ семейного гнезда — с лужайкой, с местом для парковки автомобиля — привнесён извне, но у нас в Сибири он ложится на благодатную почву. Сибирский дом всегда был такой: крепкий сруб из лиственницы, хозяйство, собственная земля. Сейчас, правда, нужен ещё хороший город неподалёку, куда можно съездить за покупками или развлечься. Люди, у которых это будет, не поедут на Лазурный берег — там и дорого, и они там чужие. А здесь — всё своё. Вот этот ресурс надо использовать.

— Заманчивая картина. А вообще образ будущего для Сибири — насколько он чётко или размыт? Какого мы хотим будущего?

— Мы хотим качества городской инфраструктуры. Основная часть населения Сибири живёт в городах, причём в крупных городах. То есть наша территория — это сильно урбанизированные агломерации и практически пустое пространство между ними.

Сейчас, благодаря возросшей мобильности, есть возможность создать такую схему проживания, когда в городе у вас квартира, а дом в деревне недалеко от города. Конечно, не за 900 км и не по плохой дороге... Город всегда будет давать импульс и сельскому хозяйству, и сельскому образу жизни на определённом расстоянии вокруг него, потому что город — это и рынок сбыта продукции, и рынок труда, образовательных, транспортных услуг, развлечений, и драйвер для развития территории.

Если мы сделаем наши города удобными для жизни, мы сможем удержать население в регионе. И потом люди начнут искать возможность реализовать свою мечту. А мечта эта — иметь дом на земле, где можно создать большую семью.

Позитивные изменения в наших городах уже есть, надо увидеть их. Например, рынок телекоммуникаций — он уже сделал наши города удобными. Бесплатный Интернет, Wi-Fi, сети 3G, 4G. Это уже выгодным образом отличает нас от многих городов Европы. Если вы приедете в Берлин и заселитесь в гостиницу — далеко не факт, что у вас будет бесплатный Wi-Fi. В России с этим всё нормально, и это нужно продолжать развивать, потому что за этим будущее. Сейчас появятся новые формы дополненной реальности, новые телекоммуникационные технологии, они все будут наслаиваться на уже готовую инфраструктуру беспроводных сетей.

К ней надо добавить другую, видимую инфраструктуру — это хорошие пешеходные зоны, велосипедные дорожки, парковки, детские сады, школы... Это задача регионов. Качество городской жизни — это первое.

Второй момент — мы должны образ Сибири формировать и сами, и с помощью федеральных властей, и через взаимодействие регионов. Не надо воспринимать Сибирь как нечто самостоятельное. Сибирь — часть России, а иногда даже в большей степени Россия, чем европейская часть. Мы должны вместе придумать новую идею для развития Сибири.

Посмотрите, что происходит с Дальним Востоком. Сейчас разрабатывается новая концепция его развития. Она во многом сырьевая, там много крупных интересных проектов. Но хотя бы люди во Владивостоке имеют исключительно сырьевой регион? С ними кто-нибудь обсуждал экономическую стратегию развития Дальнего Востока? Или эту стратегию написали за тысячи километров от берегов Тихого океана? Это проблема, и мы не должны повторять те же ошибки.

Кстати, когда нынешнего губернатора Красноярского края Виктора ТОЛОКОНСКОГО в 2010 году назначили полпредом президента в Сибирском федеральном округе, Виктор Александрович сказал на брифинге, что одна из его задач на этой должности — создать такие условия жизни в Сибири, чтобы отсюда население не стремилось уезжать. Не думаю, что, став губернатором Красноярского края, он забудет об этой задаче. Скорее, он сконцентрируется на её решении в рамках конкретного региона.

— Давайте поговорим о бренде. Как то или иное его наполнение может помочь Сибири развиваться?

— Когда мы приглашаем инвестора в Сибирь, будь то инвестор из России (какая-нибудь финансово-промышленная компания) или извне, нам часто приходится преодолевать образ неуспешного, дикого края, с плохой инфраструктурой, нехваткой кадров и населения. При этом будущему предприятию нужны хорошие коммуникации, качественная рабочая сила и возможность сбыта своей продукции. В реальности всё это в Сибири есть, нужно только рассказать об этом. Инвестиционная привлекательность — это важно.

Второй момент — если вы производите товары, связанные с Сибирью, они уже сегодня несут определённый флёр, атмосферность... Что представляет из себя товар, на котором написано: «Сделано в Сибири?»

— Экологически чистый, из натуральных материалов...

— Да. Или, например, мы знаем, что здесь много чистой питьевой воды... На планете очень мало мест, где можно сесть в машину, отехать

200 км от города и в лесу пить воду прямо из ручья... Это наше богатство, нужно об этом рассказывать.

Для многих Сибирь — это нетропуемая природа, новая. Или это зима — как что-то, чем можно наслаждаться. Мне это очень нравится в скандинавских странах. Они наслаждаются зимой...

— **Действительно, есть страны, где и снега вдоволь, и мягкий климат. Но это же не про нас...**

— Я так не думаю. Несколько недель, когда стоят сильные морозы, — это не проблема, а тоже ресурс. Можно встретиться с друзьями, посидеть под тёплым пледом с книжкой. Но зимой гораздо больше дней, когда вы имеете возможность приехать в Бобровый лог, увидеть огромное количество позитивно настроенных людей и получить все удовольствия от зимнего отдыха.

— **Вы были в нашем Бобровом логу?**

— Многократно, и считаю, что это один из лучших горнолыжных курортов в России. Да, он небольшой, но расположен близко к крупному городу, и это очень хорошо для массового катания. Ещё в Кемеровской области есть шикарный курорт Шерегеш. Недавно он получил мировую известность после одного маленького видео, которое записали 16 апреля 2011 года, когда парни проехали по заснеженному склону с девушками, одетыми в бикини. Они сделали ролик под песню Шакиры: снег, солнце, молодые, красивые, счастливые люди в купальниках едут на сноубордах и лыжах. В Сибири! Итог — более 8 миллионов просмотров в Интернете! Это ведь размер аудитории федерального телеканала. Теперь в Шерегеше ежегодно проводится заезд в купальниках и смешных костюмах. Собираются тысячи людей. Это и есть наслаждение зимой, наслаждение Сибирью.

— **А как насчёт собственно использования бренда «Сибирь»?..**

— Я считаю, мы должны это регулировать. Например, есть косметика «Натура Сиберика», которая производится в Московской области. Извините, если у вас сыр пармезан, то он должен быть либо сделан соответствующими итальянскими производителями в регионе Пармы или Эмилии-Романьи, либо вы должны платить за то, что используете этот бренд. Почему вы производите сибирские пельмени там, где вам хочется? Либо заключайте договор с одним из сибирских регионов и платите за использование слова «Сибирь», либо пусть у вас будут уральские, башкирские, ростовские пельмени...

— **Так бренд есть?**

— Мы его ещё не выпестовали. Это пока протобренд. У человека при слове «Сибирь» уже возникают определённые ассоциации. Но отсутствует зарегистрированная торговая марка, система защиты происхождения товара, как есть, например, в Италии. Может, как раз для этого и надо бы объединиться сибирским регионам, учредить на паях какое-нибудь агентство развития Сибири, и это агентство зарегистрирует бренд на себя и будет выплачивать роялти всем нашим регионам.

— **Но ведь каждый регион — и Иркутск, и Томск, и Новосибирск, и Красноярск — может сказать: «Сибирь — это я» и будет прав. Зачем им объединяться?**

— Красноярск не просто скажет «я — Сибирь», он скажет, «а вот Новосибирск — не Сибирь». А Алтай вообще скажет: «я не Сибирь, я — Алтай».

Объединяться же нам надо, чтоб развиваться вместе.

Да, нужно конкурировать, но есть моменты, где конкуренция бессмысленна. Потому что турист, которому интересно посмотреть красноярские Столбы, никак не окажется в Томской области. А того, кто хочет увидеть Байкал, не переманит к себе Новосибирск. При этом, заметьте, мы сегодня переживаем всплеск туристической активности в мире. Есть страны, которые выбрасывают на мировой рынок огромное количество туристов, например Китай. И многие из них хотели бы поставить себе эту галочку: «Я был в Сибири». Потому что если вы скажете человеку, например, «Патагония» или «Трансвааль», то в сравнении со словом «Сибирь», мне кажется, эти два региона менее известны и проигрывают в привлекательности.

— **В Новосибирской области есть туристические маршруты мирового уровня?**

— У нас пытаются разрабатывать такие маршруты, но сама по себе об-

ласть — регион с небольшой историей. Кроме Салаирского кряжа да пары мест, связанных с историческими событиями (например, место последней битвы русских казаков с ханом Кучумом, которое, правда, находится сейчас под водой Обского водохранилища), там мало что есть.

Новосибирск, если говорить о специализации внутри Сибири, это отличный город для конгресс-туризма. Туда можно приехать, провести мероприятие, конференцию — для этого всё есть, а потом сесть вместе с коллегами и бизнес-партнёрами в автобус и поехать отдыхать на Алтай. Это удобно. В Новосибирске очень удобный аэропорт Толмачёво, самый большой по пассажиропотоку в регионах России после аэропорта Кольцово (Екатеринбург).

— **Давайте продолжим про специализацию регионов...**

— Её должны вырабатывать маркетологи. Но я бы сказал, что Иркутск — это всё, что связано с Байкалом, с декабристами, с Колчаком, отчасти с буддизмом (над этим, возможно, есть смысл работать совместно с Бурятией). Кругобайкальская железная дорога очень красива. Но над всем этим ещё нужно кропотливо трудиться, потому что если в экологически чистом месте вместо ветряка или солнечных батарей вы впихиваете дизель-генератор, и он всю ночь тарыхтит у туристов под ухом, или отдыхающие на машинах слушают шансон на предельной громкости до 5 утра, это мало симпатично...

Красноярский край — тоже конгресс-туризм. Раз есть Красноярский экономический форум, это направление надо развивать. Второе — природа. Столбы как самый близлежащий объект, Ергаки, Плато Путорана, летний отдых со сплавами по рекам. Горнолыжные трассы. Конечно, сюда не полетят те, кто привык кататься в Альпах, но с определённой территории Красноярск может собирать себе туристов, только нужна хорошая инфраструктура.

Одна из недооценённых тем в Красноярском крае, на мой взгляд, — этнокультурный туризм. В частности, связанный с глубокой историей края, историей русских поселенцев, сибирского казачества. Это нужно делать с помощью энтузиастов, ведь никто не сможет профинансировать создание типового поселения сибирских казаков, куда бы люди приезжали, где могли бы провести несколько дней, познакомиться с бытом, культурой... Для этого вы не сможете нанять 200 актёров, чтобы они там работали, требуется реально так жить. Как в

выбраться из колеи можно, в том числе создав ещё одну столицу в Сибири или на Алтае... Почему новосибирцы в этом смысле активнее? Может, вы хотите возглавить движение?..

— Если возникает вопрос, где разместить штаб-квартиру организации, которая будет заниматься развитием Сибири, — пусть она разместится в Красноярске, я не против. Главное — делать общее дело и формировать общий позитивный образ региона. У меня, наоборот, есть ощущение, что как раз красноярцы имеют особую философию жизни и больше думают о том, куда нам развиваться. Я впервые оказался в Красноярском крае на Школе кадрового резерва Петра ЩЕДРОВИЦКОГО и попал в этот конгломерат методологов... Было ощущение, что именно здесь люди долгими зимними вечерами сидят и думают о том, какую выбрать стратегию развития.

Новосибирск просто чуть больше связывает себя с близлежащими городами, особенно западносибирского куста: Барнаул, Кемерово, Новокузнецк, Томск, Омск... Они нам чуть ближе, чем Красноярск. Хотя ночные поезда, которые связывают два наших города, приводят к тому, что вы можете приехать на уик-энд в Новосибирск, а мы к вам. Это должно быть как связь между Петербургом и Москвой. Книжная ярмарка в Красноярске, фестиваль «Саянское кольцо», КЭФ... А в Новосибирске можно пройтись с абсурдным плакатом на Монстрации, посетить Сибирское шоу масштабных моделей NovoSlet, написать «Тотальный диктант» на его родине, приехать на этнофестиваль «Живая вода» и т.д.

Мобильность, Интернет и желание жить лучше — вот то, что может нас объединить.

— **Как вы относитесь к мысли, что мир не очень-то хочет менять привычный образ Сибири, им нравится знать, что есть какой-то дикий край с тайгой и медведями... А территорией университетов и высоких технологий их не удивить.**

— Если бы пригласите человека в Красноярск и попытаетесь тупо его напоить, попарить в бане и больше ничего — он хорошее отсюда вывезет вряд ли что.

Менять образ нужно и можно, цепляясь за что-то знакомое, но при этом выводя на новое. Допустим, так: «Ты знаешь американскую рок-оперу «Иисус Христос — суперзвезда»? А в Советском Союзе была своя суперпопулярная рок-опера — «Юнона и Авось» Это про командора Резанова. А Резанов — это Красноярск... И т.д. Вот на таких цепочках можно рассказывать миру о себе.

— **Но может всё-таки нам европейцев не разочаровывать? Организовать танцующих медведей и катание на санях и хасках...**

— Вопрос — кем мы хотим быть. Культурной периферией или современным регионом, который наряду с другими будут иметь в виду как место, где можно провести отпуск, получить образование или разместить производство, начать бизнес.

Бренд Сибири нужно модернизировать. Есть же такой анекдот:

«— Говорят, в Сибири по дорогам ходят медведи...»

— **Какая чушь! В Сибири нет дорог...**

Мне кажется, пора уже относиться к этим предрассудкам с иронией, высмеивать их и выходить на новый уровень.

Дмитрий ФИЛЬКО

Анна КАЧКАЕВА: «Люди должны жить»

Как будет развиваться российское медиапространство в обозримом будущем? «Телевидение никуда не денется, потому что местные новости всегда будут актуальными для людей, живущих на такой большой территории, и которым чрезвычайно важно, что происходит в соседнем городе, соседнем подъезде», — считает профессор Высшей школы экономики Анна Качкаева. С известным экспертом встретился наш корреспондент.

— Анна Григорьевна, есть такой постулат: радио скажет «что», телевидение покажет «как», а газета напишет «почему». Но если верить прогнозу заместителя министра связи и массовых коммуникаций РФ Алексея ВОЛИНА, эта ситуация скоро изменится, и уже в нынешнем 2015 году с российского рынка могут уйти около половины всех СМИ страны...

— Отвечать на вопросы «что?», «как?» и «почему?» — важно независимо от того, на каких платформах и в какой среде они будут задаваться. Другое дело, что может измениться соотношение тех, кто задаёт, и тех, кто отвечает. Возможно, не понадобится модератор в лице человека, задающего вопросы, потому что потребитель информации может спросить о чём-то напрямую другого потребителя и получить не менее компетентный ответ.

Может измениться ситуация, когда редакция не понадобится, а достаточно будет Apple или МТС, чтобы создать через собственный бренд новый медийный продукт и таким образом обращаться с аудиторией. То есть мы существуем в ситуации, когда коммуникация и медиа везде — хотим мы того или нет. Наши естественные спутники — телефон, планшет, цифровые устройства в машинах. Это возможности уже нелинейного поглощения информации, когда мы не просто смотрим телевизор или только слушаем радио, а параллельно существуем в сетях, можем это обсуждать. Это не только изменение модели потребления, но ещё и освоение нового языка, потому что очень многие люди стали сами себе цифровыми публикаторами, поисковиками, создателями, а также оперативными информаторами.

Отвечать на вопросы «что?», «как?» и «почему?» будут разнообразные люди, отвечать по-разному и, вероятно, с большими подробностями, чем мы привыкли в линейных одномерных медиа прошлого.

— Какие требования это предъявляет к журналистам?

— У журналистов уже начали появляться новые функции — они становятся медиапродюсерами. Количество фейков и уток благодаря цифровым медиа будет увеличиваться в разы. Возрастёт необходимость проверять в информационном хаосе всё, что публикуется, вываливается как снежный ком. Понадобится умение пакетировать и отбирать лучшее, потому что в большинстве своём потребитель ленив, он не может ориентироваться в этом море контента. Значит, должен быть модератор нового типа. Пример тому — портал Meduza: чтобы составить 7 или 10 информационных карточек про какое-то явление, закон или науку, нуж-

но перевернуть гору информации, всё это спродюсировать, обобщить, очень коротко написать и выложить так, чтобы любому человеку было понятно.

— Другой тренд — всё, что связано с картинками...

— Да, уже не Facebook и Twitter, а Instagram становится главной сетью мира, потому что человечество разговаривает картинками в силу очень многих причин.

Дети, ещё не научившись говорить, на окошке iPad раздвигают иконку ручонками. Обмен информацией в виде картинки, с одной стороны, её универсализирует, потому что всем понятно: на картинке — собачка, старушка, дом, ребёнок. Этот универсальный язык человечество понимает легче, чем язык буквенных символов. Но, с другой стороны, конечно, и упрощает... Однако и комиксы можно укладывать в сюжеты и рассказывать их интересно, комментируя всё, от политики до войны. И это новый вызов.

Журналистика становится всё более интерактивной, всё больше людей в неё вплетаются, и есть необходимость с ними взаимодействовать. Она визуализируется максимально, потому что всё меньше текста, больше картинок, и так понятнее разговаривать.

Наконец, она становится мультимедийной, потому что любой продюсер, работающий с такого типа информацией, должен уметь транспонировать её для разного типа платформ и понимать, что со временем ему придётся иметь дело с несколькими экранами для публики.

— А не делаем ли мы фетиш из технических достижений? Как ловить рыбку — все знают, а вот что из этой рыбки приготовить?..

— Никакие мультимедийные платформы не отменяют необходимости писать, думать и иметь совесть. Понятно, что должна быть история, сюжет. Эту историю нужно раскопать, найти факты, задать вопросы. Важно уметь сомневаться, иметь гражданскую железу и понимать, зачем надо эти вопросы задать и почему тебе не всё равно. Тут никакая технология не поможет, если этого нет в характере или не привили в университетах.

Можно сколько угодно снимать селфи или котиков для своего личного альбома, но не родится отсюда потрясающий ресурс Humans of New York (проект Брендона СЕНТОНА, состоящий из циклических съёмок людей на улицах большого города, дополненных своей неповторимой историей, и передающий зрителю определённые чувства и эмоции — прим. автора). А началось всё с того, что молодой человек начал снимать людей на Instagram в Нью-Йорке, и это выросло в 12 млн подписчиков в Facebook и 2 млн в Twitter. Теперь ООН при-

глашает его во многие страны мира, чтобы с помощью этого проекта оказать гуманитарную помощь людям, оказавшимся в сложных жизненных ситуациях.

— Получается, между постжурналистом и блогером можно будет скоро поставить знак равенства?

— Лидеры общественного мнения, так называемые блогеры, всё равно прорастают либо из профессиональных журналистов, либо из людей, которые туда стремятся. Но в их деятельности должна быть социальная общественная составляющая — только тогда она становится интересна сотням и десяткам тысяч людей. Если такой миссии нет, всё останется фотографиями на вашем телефоне, историей переписки в WhatsApp и в эсэмэсках.

— Как научиться жить в информационных потоках и отсеивать мусор, специально вбрасываемый в сеть?

— Сомневаться, видеть разницу в источниках информации, не пугаться, соблюдать некую дезинфекцию; понимать, как декодировать смысл разных медиа — развлекательных, новостных; знать, что такое Интернет как среда — всему этому надо учить наших сограждан.

Уже не один десяток лет существует программа ЮНЕСКО по поводу медиа и информационной грамотности. В ряде стран, в том числе скандинавских и странах Восточной Европы, есть правительственные проекты.

Мы в Высшей школе экономики уже третий год читаем курс по новостной грамотности для бакалавров, а они, в свою очередь, преподнесут эти знания студентам немедийных профессий.

В прошлом году переведён на русский язык учебник ЮНЕСКО для школьных учителей по медиаграмотности. В Финляндии и Швеции существует специальный курс школьной программы. В Польше — масса просветительских программ, в том числе и для людей третьего возраста и т.д. Это очень важная часть образовательного процесса.

— Сейчас существует конфликт между рекламой и информацией — к чему это приведёт в дальнейшем, по какому сценарию будет идти развитие? По сути дела — это тоже вызов...

— Происходит смыкание потребителя с чем-то продаваемым, бренд всё меньше зависит от традиционной продажи рекламы. Он может выглядеть как продакт-плейсмент, быть трансмедийным продуктом, скажем, сопровождающая сериал на ваших мобильных, как было, например, с соком «Любимый» в сериале «Настоящая любовь» на СТС, или с продвижением всяческих спортивных брендов, или созданием дополнительных брендов в сериале «Молодёжка».

Каналы СТС и ТНТ раньше других осознали, что с новой аудиторией придётся разговаривать в онлайн-среде. На ТНТ у каждой программы есть сайт, есть привязки и ссылки в социальных сетях. С актёрами, героями, ведущими можно общаться, что, естественно, для молодой аудитории очень привлекательно. Меняется само отношение нас с вещью.

Сотовые операторы или производители компьютерной техники становятся в число тех, кто производит контент... Допустим, что такое Netflix? Агрегатор и прокатчик кино, оказавшийся крупнейшим производителем сериалов. Вот эти новые типы агрегирующей цифровой информации становятся заменой для

традиционных медиа и формируют новые типы и способы нашего взаимодействия с вещью и с продуктом.

— И как медиа на это отреагируют?

— Думаю, лучшие из них будут пытаться вступать в прямое взаимодействие с потребителем или оставаться очень качественным поставщиком настоящей журналистики (длинных текстов, хороших расследований), умных сериалов, которые нужны будут и на мобильных платформах, и на разных экранах. А реклама, конечно, останется, пока не уйдёт потребитель, который ещё читает газеты и будет смотреть телевизор довольно долго.

Молодёжь-то в основном потребляет телевизионный продукт в сети, а это означает, что эта категория не видит рекламу или смотрит её как-то иначе, т.е. можно сказать, что прямой рекламодатель, скажем, на Первом канале, часть аудитории потерял. Почему и говорят, что в этом году при всём кризисе рекламы и снижении её, в частности, на телеканалах, она будет расти в Интернете.

— В последние годы появляются универсальные редакции, где журналист — и тец, и жнец, и на дуде игрец... Это развитие профессии или её профанация?

— Всегда лучше, если у тебя есть специализация в смысле темы, разумеется. Но и владение технологиями становится так же важно, как умение читать и писать. Нынешние студенты приходят в университет с планшетом в руках, с мобильным в кармане. Все они, так или иначе, умеют снимать. Есть масса программ, позволяющих самостоятельно создавать инфографику, анимацию, верстать, делать лонгриды.

Технологии — это часть их компетенций теперь, как и умение, условно говоря, продюсировать, управлять творчеством, потому что никто не знает, где он может оказаться, какое ТЗ ему поставят, какую проектную группу, возможно, придётся возглавить. Всё чаще журналист — сам себе режиссёр, телебашня, рюкзачник (этакий медиум в цифровой среде)...

— Сейчас в СМИ, а тем более в сетях, в основном скандальные новости... Построили мост — это вроде бы и не достойно внимания. А вот рухнул мост — об этом все общаются...

— Катастрофизм очень силен, особенно в аудиовизуальных СМИ, и это понятно. Если случился пожар, телевидение точно даст его первой новостью, потому что есть картинка, как ни цинично это звучит.

Кроме того, существует национальная, региональная повестка дня, интересы разных групп — от политических до экономических, есть то, что мы называем Celebrity news (популярные новости), и редакционная политика. «Ведомости» никогда не выйдут с такими новостями на первой полосе, как, допустим, «Комсомольская правда». Однако ничего не мешает журналистам искать хорошие новости — главное, чтобы это был не пиар, а стоящий сюжет. Как правило, это история человека или история большого успеха.

— Получается, что сайты, которые специализируются на положительных новостях, обречены?

— А когда они были-то?

— В Красноярском крае несколько лет назад создан краевой портал Krskplus.ru (Только хорошие новости Красноярского края). На днях увидела там «хорошую новость»: «В марте, в Норильске

В КОНТЕКСТЕ СВОИХ НОВОСТЕЙ...»

произошло 17 пожаров и 22 возгорания. Два человека погибли, ещё двое получили травмы...».

— Что и требовалось доказать... Я думаю, что новости в большинстве своём хорошими не бывают именно потому, что нет внутреннего конфликта. А если всё и так хорошо — зачем про это рассказывать? И скорее всего, не будет такой портал существовать. Несколько подобных попыток было: пытались делать программы «Хорошие новости», «Другие новости». Всё это долго не жило.

— Какой, по-вашему, будет судьба общественного телевидения?

— Общественное ТВ — проблема нашей страны. Во всём мире оно существует как альтернатива коммерческому, где интонации новостей тревожные, агрессивные. Общественное же рассказывает о событиях, включая политику, спокойно, без раздражения. Там говорят и про оппозицию, и про Украину. Но поскольку нет азитации, эмоциональной накрутки, то оно кажется скучным, вегетарианским, в нём нет агрессивного энергетического драйва, на который подсажена публика благодаря массовому ТВ и массовым новостям.

Нельзя сказать, что общественное ТВ не выполняет своей функции, но нужно понимать, что оно должно быть создано волей населения и отвечать внутренним потребностям людей. Вот сейчас оно будет в мультиплексе — и я уверена, что всё равно люди будут смотреть Первый канал. Аналогичный пример — канал «Культура», который смотрят всего лишь 4% зрителей.

— Какие модели ТВ выживут?

— Все выживут! И 4%, и коммерческое, и общественное... Телевидение останется местом по производству крупных эмоций: зрелище в прямом эфире, на больших экранах, на плазме, спорт, большие театральные события...

— Положение каких СМИ кажется вам очень нестабильным?

— Региональные телекомпании. Они в очень шаткой ситуации в связи с цифровизацией.

— У нас их семь в одном только Красноярске...

— И это большая проблема, потому что в первых двух мультиплексах региональные каналы не представлены, и модель, по которой сейчас будет выдаваться цифровая лицензия, тоже очевидно говорит о том, что кто-то должен будет умереть... Кто этот КТО? — в каждом регионе большая проблема.

— А в масштабе России?

— Если так пойдёт дальше — с околполитической историей, санкциями, рекламным рынком и т.д. — то один-два канала могут в ближайшие два года перестать существовать. Скажем, СТС, поскольку у них иностранный владелец (*телеканал принадлежит российской медийной компании «СТС Медиа», являющейся дочерней организацией шведского медиахолдинга «Modern Times Group» — прим. автора*). Но не хотелось бы нажимать беду...

— Анна Григорьевна, когда газеты уйдут в Интернет и уйдут ли вообще?

— Часть останется, конечно же, но они станут дорожать. Это будет такое удовольствие — читать под чашечку кофе... Не так давно «Новая газета» заявила, что, скорее всего, уйдёт в онлайн из-за дефицита финансов. И только что стало известно, что классифайд — самый мощный в России «Из рук в руки» — тоже прекращает выпуск печатной версии.

Нового ничего пока не возникает или возникает всё меньше.

А вот глянецовые журналы останутся, потому что это очень красивое чтение, которое лучше транспонировать на наши мобильные приложения.

Сейчас региональные вкладыки имеют очень небольшое количество изданий, а миллионными тиражами выходят только «МК» и «Комсомолка». В Швеции и Японии, например, газеты издаются огромными тиражами, и это традиция. Мы, к сожалению, её всё-таки не имели, потому что в советские времена подписка была навязана, а после перестройки сделали своё дело подорожание бумаги и невозможность распространять прессу удобно и оперативно.

Со временем старшее поколение будет физически покидать этот мир, а младшее, переходя в новое качество, будет приносить с собой свой тип медиапотребления. Но газеты будут жить ещё лет 30-40.

— Как СМИ могут изменить традиционные представления о ценностях в обществе лет через 5-10?

— Дело в том, что кризис ценностей наблюдается во всём мире. И пока человечество вместе с институтами — старыми или новыми — не решит, с какими ценностями оно готово идти в будущее, СМИ в этом не помогут... СМИ могут быть ретрансляторами, зеркалом.

Хотя они и провоцируют, и в какие-то моменты могут стать катализаторами изменений (как в начале 90-х, в конце 80-х), а могут быть консервативными или ударными

природы. Facebook — экспертно-контекстная сеть. Дальше всё больше будет появляться специализированных тематических сетей, таких как LinkedIn — социальная сеть для поиска и установления деловых контактов.

Поэтому сети будут той новой коммуникационной средой, в которой медиа могут либо потеряться, либо воспользоваться их возможностями. Неплохо чувствуют себя в цифровой среде федеральные телекомпании. Они работают с молодой аудиторией, создают специальные приложения на своих сайтах, отделяют бренд программы от бренда канала и открывают отдельные странички в соцсетях.

— Региональные каналы, похоже, не очень этим обеспокоены...

— Студенты СФУ сказали мне, что в лучшем случае они смотрят только один местный телеканал — ТВК, значит, всё остальное для данной аудитории неконкурентоспособно. А как смотрят? Там есть сайт, более-менее живая история, работа в сетях. А остальных каналов нет в новом информационном пространстве. Они не понимают, что если не научатся общаться с новым поколением, то будут дрейфовать с диванным зрителем, привыкшим к их диванным новостям.

— На какие вызовы придётся отвечать российским медиа в ближайшие годы в связи с изменившейся политической ситуацией?

— Думаю, главная проблема — решить, в какой сфере мы работаем. Больше в пропагандистской или

— Другой вызов — роботизация процессов. Отчасти журналистов уже начинают заменять роботы...

— Спортивные журналисты могут уйти, информационные тексты роботы напишут. Но вот если взять тему допинга — робот точно не сможет, потому что надо разобраться в сути, поговорить с людьми, посмотреть, что это за индустрия, почему это происходит. Тут робот бессилён!

Ещё одно новое изобретение — робот-расследователь, например, Truth Teller в газете The Washington Post. Политики на протяжении ряда лет произносят много разных речей. Все они записываются и хранятся в базах данных, которые связываются со специальной компьютерной программой. Затем, когда какой-то политик в очередной раз произносит речь, которая прямо противоположна тому, что он говорил три-четыре года назад, — машина быстро это понимает, и рядом с его речью высвечивается кнопка «ложь».

Робот может агрегировать информацию, помочь составить график, дать дополнительную аналитику, визуально сделать эффектную историю. Но только журналист может правильно сделать запрос и поставить точную задачу машине.

— Очевидно, гимн журналистов, где есть строки «Трое суток шагать, трое суток не спать ради нескольких строчек в газете...» устарел...

— Тема мобильности журналистов в наши дни получила новое развитие — не обязательно быть привязанным к одному региону. Сейчас где Wi-Fi — там и редакция. И если у тебя выгодный трафик, и ты хороший специалист, почему бы не писать туда, где это востребовано, делать аналитику, инфографику.

Важно уметь технологично оформлять материал, существовать в информационных средах, работать с разными базами данных и т.д. И вот эта «дополнительная история» будет и конкурентным преимуществом, а со временем и необходимостью в нашей профессии. Не обязательно куда-то ехать, можно агрегировать информацию из открытых источников, работая со своими контрагентами в сети. И делать материал, который будет не менее интересен.

От автора

Несправедливо было бы умолчать о радио. Анна Григорьевна рассказала, что в Америке есть радиостанция, предлагающая текстовую версию голоса, скажем, на мобильный телефон. Особенно это удобно для людей, которые, например, не слышат. Они могут читать радио мобильно. Более того, те, кто слышат и видят, могут в момент эфира вступить в коммуникацию с ведущим, отправить картинку и так далее.

Если верить прогнозам, многозадачное поколение с цифровым взглядом на жизнь будет иметь дело с другой экономикой: виртуальной, впечатляющей, образной. И журналисты перестроятся. Интересно, как изменится такой жанр, как репортаж? Это единственный жанр в журналистике, требующий личного присутствия на месте события и непосредственного, а не виртуального восприятия происходящего всеми органами чувств.

Вера КИРИЧЕНКО

элементами по сохранению или провоцированию некоторых процессов. Конечно, это мощное оружие, и оно много чего может если не менять, то, по крайней мере, поддерживать и развивать. Но с пол-оборота это сделать нельзя. Это всегда процесс эволюционный и совокупный.

— Как будут меняться сети, блоги?

— Они будут только развиваться, во многом возьмут на себя функции СМИ и продолжат перетягивать, аккумулировать контент. Развивать, кстати, рекламные возможности на своих площадках — и это новый способ продвижения продукта для малого и среднего бизнеса.

Twitter — это сейчас один из самых оперативных способов работы с информацией. Традиционные медиа уже устарели и никогда за ним не угонятся. Instagram — самая быстрорастущая сеть в силу её визуаль-

информационной? Сейчас очень сильный перекоп, особенно в телевизионной сфере — бесконечное производство эмоций и отсутствие производства полноценных новостей.

В качественных печатных медиа пока всё, слава богу, нормально — но у них, правда, и тиражи, и количество потребителей гораздо меньше, чем у телевидения.

Другой вызов — реклама, связанная с иностранными брендами, вопрос с покупкой иностранного контента и франшизами на это (если будет ситуация ужесточаться, то, возможно, и тут появятся какие-то проблемы).

Я уже не говорю об иностранном оборудовании, на котором почти вся индустрия (особенно цифровая и аудиовизуальная) работает, она на 40% связана с зарубежными поставщиками, со всеми вытекающими отсюда последствиями...

От пейджера до квантового

Люди, с которыми мы сегодня беседуем, разбираются в информационных технологиях, как не многие. А эти технологии — то, что изменило нашу жизнь наиболее радикально. Без больших и маленьких программ сегодня не работают стиральные машины и автомобили, центры управления движением и медицинское оборудование, телефоны и банковские системы, смертоносное оружие и говорящие куклы.

Итак, в разговоре участвуют: Дмитрий ЦЫГАНOK — директор фирмы «АИнтех», занимающейся IT-аутсорсингом, и преподаватель СФУ по совместительству; Александр СЫРБАЧЕВ — глава IT-департамента компании «ЯрПлат» и преподаватель онлайн-курсов в новосибирской IT-академии; Михаил ТРЕТЬЯКОВ — основатель и руководитель компании «Sugar games», производящей компьютерные игры для мобильных приложений; Борис ОЛЕЙНИКОВ — доцент Института математики и фундаментальной информатики СФУ, в прошлом — учитель этих успешных людей.

День вчерашний

С какого времени уместно говорить об информационных технологиях, массово вошедших в нашу жизнь? Первоначальное предложение — начать с 2000 года, рубежа тысячелетий. Брат раньше, скажем, 25-30-летний период — слишком уж это давняя история. Но в ходе разговора оказалось, что если заглянуть и на 50 лет назад — обнаружишь много того, что так или иначе сказывается на дне сегодняшнем. Во всяком случае нынешняя эра «персоналок», сменивших большие ЭВМ, в мире началась примерно в 1975 году, а в нашей стране массово — с 1990-х. Наш стандартный лаг отставания в информационной сфере — около 10 лет.

А. Сырбачев: А знаете, чем это отставание было вызвано? Нам подарили два завода по выпуску IBM, бесплатно. Руководство страны, не очень компетентное, обрадовалось халяве. Хотя там были машины уходящей серии, уже морально устаревшие. А мы эти заводы ещё 10 лет запускали и отлаживали, свои же разработки, в некоторых вещах гораздо более удачные, свернули.

Д. Цыганок: От наших разработок не отказались, их потом использовали, но за рубежом.

А.С.: Технические решения у нас часто были интереснее. Например, наша машина БЭСМ-6 — по архитектуре её удалось повторить только спустя много лет, потому что капитализм не мог себе позволить таких технологий, для которых требовалась интеграция целого Союза... Так что это они отставали на определённом этапе от СССР. Нас убрали как опасного конкурента.

Б. Олейников: Не совсем так. Разработка ЕС ЭВМ была вызвана необходимостью унификации существовавшей отечественной вычислительной техники (практически все типы имеющихся в ту пору отечественных ЭВМ, за исключением, пожалуй, серии «Урал», были программно несовместимы, — какая уж тут ОАС). А то, что за основу была взята IBM-360, на это тоже имелись

свои доводы (архитектура, кодировка, впервые основанные на 8-битном байте, довольно развитая ОС и многое другое). Главная проблема заключалась в том, что мы слишком увязли в «магии» архитектуры IBM-360 и закрыли пути дальнейшего альтернативного автономного развития.

Конечно, БЭСМ-6 — гигант нашего электронно-вычислительного строения. И у нас в придачу в то время несколько конструкторских групп работало, что тоже очень похвально. На Украине, в Белоруссии, в Москве, в Ереване: С. ЛЕБЕДЕВ, И. БРУК, Б. РАМЕЕВ, Н. БРУСЕНЦОВ, Г. ОВСЕПЯН, Б. БУРЦЕВ и др. Украинцы, например, готовили проект «Украина» — неординарной машины, которую задавали ЕСками. Как задавали СМками опять же украинский проект «Мир» — средние наши машины...

А.С.: Ещё Б. БАБАЯН свои наработки вёл. За его проектом «Эльбрус» я каждый год следил, но в стране это никому не было нужно, ведь 20 лет мы качали нефть и меняли её на бусы. Только сейчас оборонка начинает проявлять интерес к собственным разработкам. Потому что негоже, когда военное железо нам поставляют потенциальный противник.

Б.О.: Проект «Эльбрус» заказала именно оборонка в начале 70-х годов прошлого века (первый генеральный конструктор Б. Бурцев) и с момента создания первых «Эльбрусов» (1978 г.) ими активно пользовались. Интересных и оригинальных идей в реализации этого проекта было много (суперскалярная архитектура, только позднее реализованная в Pentium-ax, программная совместимость с БЭСМ-6 и многое другое). Развал этого проекта (как и развал всего) начался в печально знаменитые 90-е годы.

Из разработок того времени стоит ещё отметить язык «Дракон» (условно расшифровывался как «дружелюбный русский алгоритмический язык, который обеспечивает наглядность»). Его создавали в рамках космической программы «Буря».

А.С.: И этот проект настолько выносил конкурентов напрочь, что его обязательно надо было разрушить. Созданный для него ракетноситель «Энергия» уже в 1988 году мог поднять 200 тонн. Современные ракеты, для сравнения, — 20-35 тонн. К Марсу можно было лететь 30 лет назад.

Но мы предпочли современный телефон. Конечно, его вычислительные мощности больше, чем у всех компьютеров, которые рассчитывали траектории «Аполлона-13». Сегодня один телефон сделал бы это быстрее. Но он используется для стрельбы птицами по свиньям...

Б.О.: Раскрашенными птицами. Львиная доля ресурсов у современных гаджетов уходит на интерфейсы. У человечества нет задач посерьёзнее.

А.С.: Задачу решает не пользователь. Сейчас самая большая задача корпораций — формирование профиля пользователя. Этим занимается Гугл, Фейсбук... Человек сигнализирует: мне нравится это, в сети я ищу это, с телефона делаю это... И так формируется профиль покупателя, самый ценный товар на данный момент.

Д.Ц.: Идеология на это направлена. Наверное, заметили, как Интернет изменился? Все хотят что-то найти, всем — дай. Чтоб кто-то своё выложил — такое сократилось на порядок по сравнению с тем, что было лет 10 назад. Само понятие «компетенция» сегодня подразумевает найти то, что сделали другие, а не самому сделать...

М. Третьяков: Для меня история началась с появлением Интернета.

Б. Олейников

Д. Цыганок

Мой отец работал на ВЦ, и с тех пор, как себя помню, я был при компьютерах. Но когда появился Интернет, мир схлопнулся, в смысле — стал маленьким. Сидя в Красноярске, я смог продавать в Австралии, в Америке, по всему миру свои продукты. Разработкой игр мы занимаемся с 2002 года.

Итак, предыстория современного информационного мира на рубеже 2000 года может выглядеть так: появление персональных компьютеров; появление Интернета с ещё низкой скоростью связи, но со всеми сервисами (электронная почта, видеосвязь). Вовлечённость — не более 10% общества.

День сегодняшний

С точки зрения продукции сейчас Россия имеет всё то же самое, что и весь остальной мир, и в те же сроки. Правда, это не означает, что наше отставание сократилось. От чего потребителю отставать? Ситуация — пользоваться самым-самым, но не производить его — имеет свои эффекты.

Б.О.: Мы порой не понимаем даже, какие алгоритмы используют современные поисковики, потому что отпустили систему образования.

А.С.: Как в идеале выстраивается образование? Например, в период индустриализации ставилась задача: требуются квалифицированные инженеры. И программы выстраивались насквозь, начиная со школ.

Сейчас реформы в образовании идут по принципу: а давайте сделаем вот так! Зачем, для решения какой задачи? Глобальных задач нет, и реформы делают спонтанно, конвульсивно. В результате 90% выпускников занимаются обслуживанием деньгопроводов. Те же программисты. Куда-то вкручивается вентиль, программист сидит и пишет: деньги должны ходить так и так. Если бы стояли задачи, например, на уровне искусственного интеллекта — они и захватывающие, и нужна сильная математика. А пока в образовании подход магазинный: ребята, мы вас научим за 2 месяца так, что вы начнёте получать зарплату 100 тысяч. О задачах речи нет.

Б.О.: Точку невозврата в подготовке программистов мы ещё не прошли. Но надо менять образовательные программы, как и сам процесс их создания.

Сейчас на слуху мобильные приложения. Но разве мы в рамках образовательной программы объясняем студентам, как их писать и как устроена операционная система мобильного приложения? Найдите в нашем городе хоть один вуз, где был бы курс по созданию таких приложений. Найдите в стране такой вуз — тоже редкость. При этом некоторые наши студенты умеют это делать — но это заслуга их самих и их научных руководителей.

М.Т.: При должной мотивации — всё можно найти в Интернете и научиться.

Д.Ц.: Так что главное — это мотивация.

Б.О.: А причём здесь стандартный процесс обучения? Мы можем подготовить студентов индивидуально, в рамках дипломных и курсовых проектов. Но это единицы. И эти штучные люди, чувствуя свою силу, потом убегают за границу. Мы же остаёмся с теми, кого массово этим вещам не учили, да они и сами не стремились. Такова действительность.

Что ещё сейчас поменялось? Когда весь мир переживал эйфорию появления Интернета, все кинулись в разработку информационных ресурсов, которые использовались для всего, от рекламы продуктов до представления культурно-значимых ресурсов и образовательных возможностей. Наша команда Центра Интернет исключительно на инициативе тогда разработала широко известные ресурсы «Ерпаки», «Эвенкия», «Резанов» и многие др. А в последние годы я не припомню интересных ресурсов, направленных на информационную открытость города, края. В итоге мы многое теряем.

Д.Ц.: Сейчас процесс создания ресурсов слегка притормозился. В первых, появились шаблоны, программисты разработали среды, и туда можно просто вставлять свои данные.

А.С.: Человек не просто говорит: хочу что-нибудь выставить в Интернете, а делает это под определённые задачи. Допустим, ему нужно управлять предприятием. Или работать с клиентами. Или обеспечивать максимальное информирование аудитории. В зависимости от этого у него спектр разных средств. Пользуясь только соцсетями, можно решать широчайший круг задач.

Б.О.: Специализация стала глубже. Если ты программист — разрабатывай движки. Другой в них будет наталкивать контент. Дизайнер — менять интерфейсный вид. Кроме того, день сегодняшний — это облачные технологии.

А.С.: Они очень сильно поменяли способ взаимодействия с информационными технологиями. Теперь вся сеть — один компьютер.

Б.О.: Но нет доверия. Через телефоны, социальные сети, почту вас могут отслеживать, в том числе и те, кто призван защитить.

М.Т.: Это как раз тот аспект технологий, который меняет уклад. Для человека становится нормальным, что его жизнь прозрачна, на виду, и этому нет никаких препятствий.

Б.О.: Да и наплевать человеку на этот мир, если в 3D-мирах он себя человеком чувствует. Молодёжь сейчас туда и уходит.

М.Т.: Лет 8 назад произошла мини-революция в играх. Шаблонное представление было: играют подростки. А мы тогда разработали игрушку «Радужная паутинка», ориентируясь на женскую аудиторию 35+. И это оказалось востребовано. Для старшего возраста игра — как антидепрессант, там не требуется погружаться в проблемы.

КОМПЬЮТЕРА

А. Сырбачев

М. Третьяков

А.С.: Потому что человеку нужен опыт успешности. Был в своё время такой эксперимент: взяли две группы мышек и начали бить током. Причём одну группу, если она научалась правильно нажимать кнопки и рычажки, переставали бить. А других продолжали бить, что бы они ни делали. А потом им привили туберкулез. Так вот во второй группе все мышки сдохли, а в первой он у половины даже не привился. То есть организм, у которого в опыте есть переживание своего успеха (было трудно, но я смог), делается гораздо менее уязвимым.

М.Т.: В больницах сейчас после операции даже рекомендуют играть в простые игры, это хотя бы позволяет забывать о боли. И как минимум повышает качество жизни: или ты лежишь и страдаешь, или погружаешься в игровую реальность, где можешь хоть отчасти передохнуть.

Я бы отметил и другой рубежный момент: с тех пор, как в наш мир вошли айфоны, андроиды и т.д., человек находится в постоянном онлайн. Дальше, я думаю, это просто в мозг будет встроено.

И я не понимаю, как люди жили иначе. Для меня, например, было шоком, когда я читал о Бахе, что он на два месяца уехал к другому органисту поработать, а за это время умерла его жена, но он узнал об этом, только когда вернулся. Сейчас такого нельзя представить.

Ещё когда мы ходили в школу, нас по 8 часов не было в жизни родителей, и это нормально воспринималось. А сейчас — мы всегда должны быть на связи, и если не берёшь трубку, даже какое-то чувство вины появляется, вроде как ты обязан.

Б.О.: И это обоюдное желание быть всегда на связи, и эта будущая чипизация, о которой ещё Иоанн Богослов предупреждал, но к которой всё идёт, — они, конечно, ставят этические вопросы.

А.С.: Этика меняется в соответствии с укладом. Скажем, без такого чипа в будущем человек будет обречён выполнять малоквалифицированную работу.

Современная ситуация комфортна с точки зрения доступности высокотехнологичной продукции, но тревожит тем, что не мы — владельцы технологий. А сами технологии порой настолько поражают воображение, что это располагает к прогнозам, где утопии и антиутопии — 50 на 50.

День завтрашний

В том, что в будущем могут реализоваться любые фантазии — от виртуального телепортирования себя на рабочее место до практически уже осуществляемого обучения всех желающих хоть в Гарварде, хоть в Йеле — никто особенно не сомневается. Гораздо более проблематичным выглядит вопрос — будет ли в будущем место самому человеку?

Д.Ц.: Глобальная проблема — организация всех индивидов в одно общество. Как показывает практика, даже современные технологии пока ни к чему не привели с точки зрения организации. Договориться так и не можем друг с другом... Это может быть связано с духовными вопросами.

Б.О.: Академик В. КАЗНАЧЕЕВ в своё время заявил, что человечество идёт по туиковому пути развития техники (своеобразных «протезов»), вместо того, чтобы развивать собственные возможности, которые в него заложены.

М.Т.: Мы развиваемся технически, а не биологически, потому что так быстрее.

Б.О.: При этом неважно, насколько это опасно для сохранения вида. Ещё в конце 90-х догадались провести красивый эксперимент с сотовыми телефонами. Просто взяли два инкубатора, в один из них положили включённый сотовый. И если стандартный выход в инкубаторе составлял 99% цыплят, то здесь — 94%...

Д.Ц.: А если положить сотовый телефон на улей — пчёлы умирают, это доказано. Но любая технология имеет оборотную сторону.

Б.О.: Человек — машина, а один из главных принципов всякой машины — сохранение энергии. Человек будет ходить теми путями, где меньше физических затрат. Зачем 20 лет медитировать, чтобы прозреть, как йог, если антенну на уши надел — и уже прозрел.

Д.Ц.: Мы решаем с помощью техники второстепенные задачи, освобождая время на решение того, что нам интересно.

А.С.: Время остаётся — задач не остаётся.

Б.О.: Всё идёт к тому, что человек с его «человеческим фактором» всё больше и больше становится не нужен миру, в котором живёт.

А.С.: Мы уже говорили о том, что сейчас формируется профиль покупателя. Он всё более интеллектуален.

Всё более идентичен тебе. Через какое-то время он сможет за тебя ходить по соцсетям и лайкать, делать покупки в интернет-магазине... И вот люди, допустим, будут завещать — пусть эта штука и после моей смерти живёт и продолжает лайкать котиков. Постепенно количество фантомов, которые будут продолжать функционировать в товарно-денежном обороте, достигнет такой величины, что выяснится — именно они работают на экономику, совершают трансакции. В принципе они могут работать в офисе, готовить отчёты — с тем средне-статистическим уровнем интеллекта, который там требуется, их способностей хватит. Это реализуемо вполне. А любой чиновник вообще простым скриптом заменяется.

Д.Ц.: Давайте так и сделаем, в смысле замены чиновников. Электронное правительство.

А.С.: Всё правильно. Сущность государства — операционная система, живых людей оттуда надо убирать.

То же самое с автомобилями. Почему на дорогах ад и хаос? Потому что люди водят машины сами. А вот когда человек сядет в машину, а она управляется из единого сервера... Технологически эта штука уже решена — ездит, паркуется. Остаётся выйти на уровень производства.

Поменять современную дебильную экономику сложно (а дебильная она потому, что обязана расти, причём расти экспоненциально). Но развитие технологий позволяет надеяться, что поменяется уклад, с ним этика, с развитием этики могут появиться новые взгляды на задачи, которые перед нами стоят.

Д.Ц.: Ты надеешься, что этикой будут управлять компьютеры?

А.С.: Нет! Я надеюсь, что произойдёт какая-нибудь технологическая сингулярность... Представь, что завтра сделают молекулярный синтезатор. Который просто обесмыслит большинство современных товарно-денежных отношений...

Д.Ц.: Энергии много надо. Товаром будет являться энергия. Допустим, у каждого будет личный термомояд, и можно будет собрать всё, что хочешь. Возможность по сути.

М.Т.: Свобода от решения базовых проблем выживания — уже большое достижение современного мира. Мы можем больше самовыражаться.

Б.О.: А вы посоревнуйтесь с машиной в рисовании картин, в шахматной игре. Уже сейчас это трудно. В её систему загружена вся база знаний человечества — относительно вашей небольшой головы.

М.Т.: А кто исключает возмож-

ность, что человечество как вид перейдёт в компьютерное сознание? И почему это плохо?

Б.О.: Возможно, к этому всё идёт, но это не скоро. Пока у нас даже не решается проблема «умного города». Первый этап его создания — получение информации обо всём, что надо. Управление газоснабжением, электричеством, состояние труб, МЧС... Дальше информация перерабатывается, принимается решение. Но первое — получение информации. И с этим затык. «Умные города» строятся на сенсорных сетях, без этого не обойтись... Сенсорных сетей у нас нет.

Те компании, которые уже это предлагают, основываются на wi-fi-сетях, связывающих между собой разноплановые датчики. Сейчас в основном датчики американского производства. Сеть будет эффективна, если каждый датчик стоит около 1 доллара, но даже в Америке они пока значительно дороже. В каждую квартиру их нужны десятки. Так что это длинная песня.

А.С.: У японцев много лет назад унитаз уже говорил: вы сегодня съели слишком много сладкого, и вообще вам надо поправить свой рацион.

Б.О.: Есть немало вещей, который войдут в нашу жизнь на наших глазах. Через 10 лет — биосенсоры, квантовые компьютеры, биопринтеры. Через 5 лет — автономные автомобили (смотри, например, прогнозные инфографики фирмы Gartner). Пик ожиданий переживает такая технология, как пользовательский 3D-принтер. Вообще, это верная мысль, что появление 3D-принтеров знаменует новый подход. Мы теперь не занимаемся производством изделий, мы их печатаем. Печатаем 3D военные топографические карты, жилые дома, оружие. А НАСА включило в программу подготовки полёта на Марс разработку пищевых 3D-принтеров.

Мечты

Да, иногда мы с удивлением обнаруживаем, что практически уже живём в будущем — в том, что ещё так недавно сами считали невероятным. Так что же нас может удивить? Чего ждут те, кто гораздо лучше других представляет, как могут быть устроены технологии будущего?

Б.О.: Есть одно желание — не быть потерянными в информационном мире. Потерянным — это когда вокруг тебя множество информации, но она для тебя «чужая». И если тебе нужно что-то найти или сделать, то ты либо тратишь много усилий, либо вообще не можешь решить свою проблему. Отсюда, нужно создать такие информационные возможности, сервисы и устройства, чтобы было как в сказке: «Хочу» — и это появилось. Вот над этим и должны работать «крутые» программисты.

А.С.: В пределах нашего поколения или наших детей должна произойти технологическая сингулярность, и очень бы хотелось застать этот момент. Количественный переход в качественный будет настолько серьёзным, что сейчас спрогнозировать последствия невозможно.

Д.Ц.: Считаю, нужно идти по пути собственного развития. Структура организации более важна, чем всё остальное. И это исходит изнутри. Сначала надо себя организовать.

М.Т.: Пожалуй, 3D-принтинг, как в своё время книгопечатание, изменит нашу жизнь. И даже больше изменит, потому что у каждого будет персональный принтер.

График ожиданий нарождающихся технологий от компании Gartner, 2014

«Наука второго сорта — это когда есть результаты, но они очевидны и поэтому никому не нужны»

Когда мы говорим о переднем крае науки — месте, где совершаются прорывные открытия и определяются тренды для всей области научного знания, — важно задать систему координат. Не зная, где этот передний край начинается, сложно наметить и движение в его направлении. Интересен и другой вопрос: пока ты в дороге, но ещё не возглавляешь колонну путешественников, наукой ты занимаешься или нет?

Американский профессор Владимир ШАЛАЕВ, один из ведущих мировых специалистов в области нанофотоники и метаматериалов и член консультативного совета фонда «Сколково», когда-то в интервью университетской газете СФУ высказался категорично: второстепенной науки не бывает — или ты лидер, или это вовсе не наука. Несколько лет спустя те же вопросы мы задали другому учёному с мировым именем — профессору Королевского технологического института в Швеции и Имперского колледжа Лондона в Великобритании Арию ЛАПТЕВУ, который также руководит международной лабораторией комплексного анализа и дифференциальных уравнений ИМиФИ СФУ.

— Арий Ариевич, в 2012 году Синъити МОТИДЗУКИ из Университета Киото доказал одну из величайших теорем в истории чисел — гипотезу ABC. Он выложил в сеть документ на 500 страницах, где большую часть занимает не само доказательство, а его объяснение. Неужели современная математика высоких уровней настолько сложна, что в ней разбираются единицы?

— На самом деле математика — довольно широкий объект, там много ветвей: анализ, алгебра, геометрия и так далее. Бывает даже такое, что люди, которые специализируются в разных областях, не всегда друг друга понимают — приходится рассказывать в популярной форме. Человек должен быть экспертом в своей области, без этого он не сможет понять, какие задачи на самом деле решены, а какие — нет. Например, я редактор одного из лучших математических журналов в мире. Серьёзные работы, которые присылаются, как правило, очень большие, длинные, и их нелегко понять без привлечения экспертов.

— Правильно ли я понимаю, что местонахождение «переднего края науки» в математике определяет ограниченный круг людей? А как в него попасть, как приобрести необходимый для этого научный вес?

— Грубо говоря, всё так. Либо человек решает какую-нибудь задачу, которую люди пытались уже много лет решить, либо развивает какую-нибудь теоретическую область, которая является полезной для большой группы математиков. Соответственно, статус учреждения определяется международными рейтингами, а они учитывают, например, количество первостепенных премий вроде

Абелевской, квалификацию изданий, в которых учёные публикуются. Мы не физики, от нас не требуют практического результата. Для математики нормально, если ты печатаешься в хорошем журнале. Это наш продукт.

— А можно ли создать сильную математическую институцию с нуля? Например, дать очень много денег местным специалистам или же выписать из-за рубежа перво-классного профессора?

— О, это очень сложно и вряд ли сработает в отношении математики. Но можно улучшать уже существующие подразделения — методически, в течение долгого времени. Я работаю в Имперском колледже в Лондоне уже девять лет, и всё это время мы принимаем на работу только математиков высокого класса. Конечно, институт от этого становится заметнее. Важен фактор зарплаты — у нас она, вероятно, самая высокая в Европе. Но ещё важнее человеческие ресурсы, база, которая существует в этой местности. Например, Стокгольмский университет недавно открыл позицию по геометрии, которая так и не была заполнена.

— Но всё-таки как это происходит на практике? Приходит сторонний руководитель — и приносит с собой сложную математическую задачу? «Будем штурмовать одну из проблем тысячелетия»?

— Вопрос это индивидуальный. Если человек приходит, значит, у него есть определённый круг задач, которыми он занимается. Если они интересны людям, то постепенно это поднимает статус институции в этой области. Вот, скажем, в Имперском колледже наиболее продвинутой областью — это геометрия. Там есть математик Саймон ДОНАЛЬДСОН, мировая звезда.

Направления для работы закладываются исторически, от научного руководителя. Что касается задач, то есть внешнее воздействие на математиков, а есть внутреннее. В первом случае это некогда поставленные, но так и не решённые за несколько десятилетий вопросы. Но эти задачи — как теорема Ферма, над ними можно гадать всю жизнь, но так ничего и не решить, даже сойти с ума. Это непродуктивно. Возьмём аспиранта: ему нужно защищаться, соответственно, его задача должна продемонстрировать его способности, однако быть ещё и решаемой, должна стать плацдармом для будущего развития. Должна ли она быть интересной? Это вопрос субъективный.

— Насколько такие «внутренние задачи» ориентированы на пресловутый заказ, например, со стороны учреждения или государства?

— Чистая математика — вряд ли. Нигде в мире нет такой ориентации, если, конечно, мы не говорим о прикладной математике. Однако даже чистая теория всегда находит свой результат. Хороший пример — создание вейвлетов. Они были придуманы в попытках аппроксимировать функции, которые не являются гладкими, то есть имеют мало производных. Это, по сути, разложение сигнала на простейшие составляющие для последующей трансляции. Теперь на них построена вся цифровая передача информации. Для получения хоро-

шего изображения нужно очень хорошее приближение, когда, например, футбольный мяч меняет траекторию.

Другой пример — так называемые солитоны, открытые в 70-х и связанные с решением уравнений в частных производных. Представьте себе длинный узкий бассейн с очень мелкой водой. Если бросить туда камень, то возникнет волна, которая будет двигаться по этому бассейну очень далеко и с сохранением своей формы. Это тоже сейчас используется для передачи информации.

— Известно, что в естественных науках даже гений-одиночка уже не может сделать какое-то выдающееся открытие. Насколько в математике научные прорывы — коллективный труд?

— Это сложный вопрос, потому что, конечно, математику двигают индивидуалисты — люди, которые обладают большими талантами. Но, с другой стороны, это невозможно сделать без среды. Нельзя нанять великого математика, чтобы он сидел и решал задачи, ему обязательно требуется поддержка. Нужны выдающиеся люди, но также и такие, кто не так талантлив, чтобы была полная «производственная цепочка».

Если спросите про Красноярск, то я вам скажу: здесь есть замечательные математические группы, состояние математики в целом очень хорошее. Да и в России тоже: много людей из Москвы и Санкт-Петербурга уехали, но всё равно удивительным образом рождаются отличные математики.

— Если сообщество так важно, значит ли это, что в России наука обречена быть централизованной, тяготеет к двум столицам?

— Не думаю. Например, если говорить о математике, у нас здесь прекрасная группа, в принципе одна из лучших в своей области. С другой стороны, аспирантам, постдокам выезжать куда-то, в том числе за границу, очень полезно. Потому что когда человек выезжает, он общается. Читать работы — это одно, но когда один математик встречается другого и вступает в диалог насчёт своей задачи, это объяснение очень отличается от того, как написана его работа. Обычно объясняется в двух словах, и сразу всё становится ясно.

Кроме того, математика — наиболее международная наука, хотя школы и подготовка везде разные. Скажем, во Франции очень сильная математика, а в Германии несколько однобока — после войны многие продвинутые математики уезжали, традиции были сломлены, на мой взгляд, они до сих пор пытаются их восстановить.

В Имперский колледж мы набираем 250 человек каждый год на первый курс. Половина из них —

китайцы. В основном, все выпускники идут потом в банки, в аспирантуру почти никого не остаётся. Там ещё и некий перекосяк — развиты теория чисел и геометрия, другие области значительно слабее. А такая специальность, как уравнения в частных производных, развита, но она очень прикладная. По здешним стандартам такие люди учились бы скорее на факультете механики.

— Всё-таки математика может быть первого или второго сорта?

— Может. Например, мне приходится как редактору масса работ. Почти каждую неделю — новое доказательство теоремы Ферма. Мы такие работы даже не рассматриваем, на этот случай у нас даже есть стандартное письмо.

— Но Григорий ПЕРЕЛЬМАН же смог доказать в одиночку гипотезу Пуанкаре!

— Теорему Ферма тоже доказали, но там же огромное решение, а люди обычно присылают четыре-пять страниц, напечатанных чуть ли не на машинке. Второй сорт — нечто заведомо несерьёзное. Кроме того, работы же бывают разного уровня. Можно получать новые результаты, но они неинтересны, потому что они всем ясны и так. Однако многие люди пишут такие работы, их где-то публикуют. Так, несколько дней назад я реферировал работу одного хорошего математика для известного журнала. Работа достойная, но для меня она этому журналу не соответствует. Результаты новые, но для меня они очевидны, я бы мог написать то же самое. Возможно, такие работы и можно отнести ко второму сорту. Работы, которые есть, но никому не нужны.

— А если я начинающий математик, обсчитываю частный вариант какой-то задачи, аккуратно его расписываю, предлагаю вам — это тоже никому не нужно?

— Вероятно, да. Результат должен быть новым и интересным для экспертов. В значительной степени математика развивается сама по себе: люди придумывают интересные задачи, и эти задачи в конце концов оказываются полезными через некоторое время. Обычно, если это хорошая задача, сообщество принимает её. Есть авторитеты, группы людей, которые глупостями не занимаются.

— Как тогда молодому математику, образно выражаясь, выйти в дамки?

— Бывают очень способные люди, которые добиваются всего сами. Но обычно до самостоятельного плавание их направляет научный руководитель. Индивидуалистам трудно стоять, люди вроде Перельмана продвигают науку самостоятельно, но и Перельман не возник бы без петербургской математической среды.

Есть такой экстраординарный случай: у меня был ученик — швед примерно моего возраста, хотел защищать диссертацию. В результате он защитился, хотя ни одной печатной работы у него не было. Он знает огромное количество математики, на семинарах он задаёт очень хорошие вопросы. Всё понимает, но создать сам ничего не может, к сожалению. Такие люди тоже играют роль. Но учёный ли он? Нет, наверное.

Евгений ЯМБУРГ: «Нельзя создавать оазисы, всё вокруг превращая в пустыню...»

«Реформы, которые прошли в образовании, привели к тому, что дети сегодня мешают администрации и педагогам работать с документами...», — заявил на XXII ежегодной апрельской Всероссийской научно-практической конференции руководитель группы разработчиков концепции профессионального стандарта педагога, член-корреспондент РАО, директор Центра образования №109 г. Москвы Евгений ЯМБУРГ. Форум был посвящён теме «Практики развития: новые отношения в образовании, их реализация и возможности управления».

Теоретик и практик, заслуженный учитель РФ, академик Ямбург приехал в Красноярск, чтобы рассказать, что принесёт учителю новый стандарт педагога, который в России планируют внедрить в 2017 году.

СПРАВКА

Согласно данным недавнего опроса ВЦИОМ, 48% россиян считают, что в своё время они получали образование лучше, чем их дети.

Угрозы и вызовы

Евгений Александрович Ямбург убеждён, что не ребёнок должен приспосабливаться к школе, а сама школа должна адаптироваться под возможности, потребности и способности ребёнка. Он создал собственную модель адаптивной школы. В Центре образования № 109, который возглавляет академик, учатся и здоровые дети, и инвалиды. «Школа Ямбурга» — это и детский сад, и общеобразовательная школа, и центр дополнительного образования. Есть здесь конюшня для занятий иппотерапией, своя кузница, ювелирное и гончарное производство, собачий питомник. Евгений Александрович полагает, что сегодня школа должна уметь учить ребёнка с любыми отклонениями, и на этот вызов надо отвечать:

«У нас масса детей с проблемами в развитии, а мы упиваемся высшими достижениями. Я приезжаю в маленький город, где 150 тысяч населения, начальник управления образования хвастает: у нас 100-балльников столько-то, олимпиадников столько-то. Спрашиваю: а вам не кажется, что они все от вас уедут — в лучшем случае в Питер, Москву, а вообще-то — в Америку, Англию... И с кем вы останетесь? Я не против Сколково и Высшей школы экономики с её замечательным лицеем. Но нельзя создавать оазисы, всё вокруг превращая в пустыню. Это проблема национальной безопасности...».

То, что сегодня в стране растёт число больных детей — ни для кого не секрет. Современная европейская женщина предпочитает рожать, когда устроена карьера, ближе к 40 годам, и здесь очень высок риск появления на свет проблемного или даже больного ребёнка. Сказывается и так называемая генетическая усталость. Сегодня врачи умеют выхаживать даже 500-граммовых младенцев. «Когда рождается такой ребёнок, у него, скорее всего, недоразвита сетчатка глаза, будет склонность к диабету, мозговые дисфункции и ещё много чего... Это не трагедия, с этим надо работать. Девочка вырастет, родит следующего

ребенка. «Лет через 15-20 уже психологи в школе будут не нужны — главной фигурой станет дефектолог», — прогнозирует Ямбург.

И в новом стандарте педагога заложено послание к такому поколению специалистов.

«С самого начала нужно медико-психолого-педагогическое сопровождение. Но майские указы президента привели к тому, что у нас сокращаются все эти службы в школах, за счёт чего повышают зарплаты учителям, — сетует Евгений Александрович. — Я и в Кремле об этом говорил: если вы хотите повысить безопасность полётов, неужели будете в три раза увеличивать зарплату пилоту, сокращая при этом наземные службы диспетчеров? А в современной школе такое происходит».

Осенний букет

Помимо проблем, характерных и для образования в других странах, по мнению Ямбурга, у России есть свой «осенний букет». Дело в том, что россияне переживают кризис — мировоззренческий, нравственный и психологический. Плохим или хорошим был советский проект, но он давал образ светлого будущего. И этот образ помогал примириться с не очень светлым настоящим. Сегодня «куда идём мы с Пятачком — большой-большой секрет...».

«Мы главное стали считать второстепенным, а второстепенное главным. Рейтингуем школы по ЕГЭ, по олимпиадам, не понимая, что, по сути, имеем дело с очень серьёзным социокультурным феноменом — разрушением шкалы нравственных ценностей, — бьёт тревогу академик. — В социуме напряжение растёт. Какую задачу я считаю сегодня главной? Формирование толерантности (кстати, учёные утверждают, что формировать это качество можно только до 5,5-6 лет). Этот термин в России не любят... Не нравится «толерантность», назовите иначе — великодушные, умение принять другого. Ведь градус ненависти подчас зашкаливает, а это пропитывает сознание детей, заражает».

Академик сообщил, что в России, согласно последним научным исследованиям, больше всего не любят представителей стигматизированных групп, а это инвалиды, старики, сексуальные меньшинства и ВИЧ-инфицированные. «Налицо признак постепенной фашизации сознания нашего общества, — ставит диагноз Евгений Александрович. — Когда я это увидел, то понял, что немедленно надо что-то предпринимать. И вспомнил про деятельностный подход Алексея Николаевича ЛЕОНТЬЕВА (советский психолог, доктор педа-

гогических наук, 1903 — 1979). Суть в том, чтобы не лекции читать, а создавать модельные ситуации, где толерантность будет формироваться».

Воспитание чувств

Евгений Александрович показал участникам конференции несколько видеосюжетов, иллюстрирующих то, как можно ненавязчиво проводить тренинги толерантности. Предыстория такова. Сначала в Центре образования № 109 попробовали лечить больных ДЦП с помощью специально обученных собак. Дети тянулись гладить дрессированную собаку. Потом врачи зафиксировали, что у многих пациентов улучшился кровоток и сократилось количество припадков. Вдохновившись, педагоги решили не останавливаться и «с одного куста снять два урожая». То есть сначала обучили здоровых детсадовцев по программе «Юный хендлер», а потом привели их к больным, чтобы те, в свою очередь, научили детей-инвалидов управлять собакой, быть тренером.

«У этих здоровых сначала наступил полный шок: они никогда не видели такое количество колясочников. Но между ними был посредник и «психотерапевт» — собака. И уже через 4-5 минут смешались в кучу больные и здоровые, и начался тренинг толерантности», — вспоминает Евгений Александрович.

В школе Ямбурга есть парикмахерская, где ветеранов войны дети стригут бесплатно. «Мы ведь к ветеранам относимся как? Достаём их, как декорацию к 9 мая, даём коробку конфет — и до свидания, — говорит академик. — А у нас ребята или голову моют, разговаривают с ними, обучают пожилых работе на компьютере... Если человек понимает, во имя чего он что-то делает, какова цель — найдётся и педагогические решения».

Нельзя не согласиться с тем, что воспитание толерантности возможно только через деятельностный подход, через взаимодействие здоровых с больными и стариками. Но тут очень много спорного. К примеру, готовы ли сегодня родители здоровых детей к тому, чтобы рядом были больные, и наоборот? Созрело ли общество психологически для такого общения? Сможет ли учитель освоить технологии по работе в условиях инклюзии (а они, кстати, прописаны в новом стандарте)?..

На вырост

«Тактика в том, чтобы каждого учителя обучить работе с разным контингентом детей, — уверен Евгений Александрович. — Оппоненты мне кричали: «Как, вы хотите любого учителя сделать дефектологом?». Упаси боже, не хочу, да он и не имеет право диагностику проводить. Но он должен уметь читать специальные документы и превращать рекомендации дефектолога и психолога в программу педагогических действий».

Кстати, для управленцев, педагогов, занимающихся совместно с психологами, дефектологами, медиками воспитанием и образованием детей в современных детских садах и школах, Евгений Ямбург совместно с профессором Софией ЗАБРАМНОЙ написал

монографию «Управление службой сопровождения детей в условиях образовательной организации». Но, как заметил академик, книги сегодня никто не читает...

Стоит заметить, что возможность инклюзивного образования хоть и предусмотрена законом «Об образовании в Российской Федерации» (№ 273-ФЗ), но это не должно приобретать формальный характер, становиться самоцелью. Некоторые родители и педагоги считают, что часть детей целесообразнее обучать в специальном (коррекционном) образовательном учреждении, тем более что закон не предусматривает ликвидацию коррекционных школ. Однако, судя по сообщениям СМИ, такая тревожная тенденция наметилась...

«Не враги придумали этот стандарт...»

— Реальным вызовом для системы образования является необходимость учить всех массово, в том числе и инвалидов, — высказывает свою точку зрения Исаак ФРУМИН, доктор педагогических наук, профессор. — Когда был опубликован первый вариант стандартов, то я честно сказал Ямбургу, что это просто нереалистичный документ (потом его скорректировали), потому что он требовал от учителя слишком много такого, чего нельзя требовать от представителя массовой профессии. Хотя с основной интенцией Евгения Александровича относительно того, что педагогические компетенции должны быть усложнены, я согласен. Но когда мы хотим, чтобы учитель был выдающимся предметным экспертом и одновременно выдающимся педагогом, это всё же, многовато...

Создана ли какая-то база для обучения будущих педагогов, где и у кого они должны учиться? «Базы, конечно же, нет, — жалеет Исаак Фрумин. — Таких педагогов готовят очень мало и плохо. Есть сильный вуз — Московский психолого-педагогический университет, есть неплохие группы в ряде педагогических университетов, есть стажировочные площадки типа самой школы Ямбурга. Но этого явно недостаточно».

«Стандарт написан на вырост, у меня нет иллюзий по поводу того, что его сразу можно реализовывать, — признаётся академик Ямбург. — Не зря мы указали там, что «нельзя предъявлять к учителю то, чему его никто не учил». Поэтому центр тяжести переносится в педуниверситеты».

Академик настаивает, чтобы у каждого педуниверситета, как у медицинской клиники, были свои пилотные площадки, где квалифицированные люди, профессора показывали бы, как работать с особенными детьми: «Не враги придумали этот стандарт — жизнь заставляет. Само ничего не рассосётся. Эти дети уже в школе...».

С 2014 года 35 российских вузов, в том числе СФУ, вступили в эксперимент по подготовке качественных новых педагогов для школ.

Наталья КУЗНЕЦОВА

Понять и принять друг друга

Удивительно, но такие, казалось бы, эфемерные субстанции, как стереотипы, проявляют гораздо большую стойкость в этом изменчивом мире, нежели крепостные стены, призванные противостоять вражеским нашествиям. Ещё более удивительно, что прекрасно зная об этом, мы не перестаём надеяться на чудо. И всякий раз недоумеваем, что чуда не происходит, и мы вновь и вновь читаем и слышим о себе такое, что только руками развести. Особенно в последнее время.

Сегодня много говорят о так называемой информационной войне. Термин этот вполне оправдан, беря во внимание очевидные разрушительные последствия информационного противостояния. Да и действия упреждающие вполне можно сравнить с рытьём окопов и сооружением блиндажей. Ими успешно служат стереотипы, что складывались десятилетиями и даже веками. Именно они создают ту благодатную почву, на которой в одночасье могут дружно взойти и заколоситься ростки вражды и ненависти.

Этим стереотипам на прошедшей в конце марта научно-практической конференции «Сибирское медиапространство 2020» было посвящено выступление немецкого журналиста Йоханнеса ФОСВИНКЕЛЯ, корреспондента газеты «DIE ZEIT». Он уже шестнадцать лет живёт в России и за это время много где побывал и много что увидел. Если взять во внимание, что он бывал у нас и в доперестроечные времена, то опыт жизни его в России вполне убедителен не только для редакции немецкого издания. А потому выступление западного журналиста под названием «Сибирь в зеркале западных СМИ» ожидалось аудиторией с большим интересом.

Однако присутствующим пришлось испытать некоторое разочарование — никакой злободневной и острой информации в выступлении нашего немецкого гостя не оказалось. Тем не менее по зрелом размышлении, приходится признать, что наличие такой информации скорее бы отодвинуло, нежели приблизило аудиторию к цели, которую поставил перед собой докладчик.

А цель эта вполне соответствовала имиджу уважаемой и в Германии, и за её пределами еженедельной газеты, издаваемой с 1946 года и расходящейся по миру огромными тиражами. Издание придерживается центристских взглядов и не склонно бросаться из крайности в крайность, предпочитая скандальной сенсационности вдумчивый анализ. Вот и информация, представленная российским коллегой Йоханнесом Фосвинкелем, была для такого анализа очень полезна.

От строго научного подхода к «развесистой клюкве»

Благодаря усилиям пишущей братии за прошедшие три века благополучно взойшли и окрепли самые фантастические представления жителей Западной Европы о загадочной России и ещё более загадочной Сибири. Справедливости ради надо сказать,

что первоначально информация о Сибири была вполне правдоподобна, так как исходила от серьёзных учёных-путешественников, периодически посещавших Сибирь с начала XVIII века.

Среди них был сподвижник Петра I немецкий медик и ботаник Даниэль Готтлиб МЕССЕРШМИДТ, возглавивший первую научную экспедицию в Сибирь. Обнаружение им енисейской рунической письменности сделало его родоначальником русской археологии. Кстати, в своём дневнике он во всех подробностях описал рождество 1723 года, проведённое им в доме красноярского воеводы.

Другой немецкий учёный, состоявший на русской службе естествоиспытатель, географ и путешественник Петер Симон ПАЛЛАС провёл в Красноярске зиму 1772 года, подготовив здесь к изданию второй том своего монументального труда «Путешествие по разным провинциям Российского государства».

Несколько ранее Сибирь посетил действительный член Петербургской академии наук, немецкий врач, ботаник и этнограф Иоганн Георг ГМЕЛИН, который также побывал в Красноярске. Являясь участником Великой Северной экспедиции, за десять лет он намотал по Сибири тридцать четыре тысячи километров, положив начало её научному освоению.

Труды этих учёных мужей в своё время были очень популярны в Германии. Они хорошо переводились, пользуясь успехом и в других странах Европы. Понятно, что это не могло остаться незамеченным у авторов, которые, в отличие от учёных, могли дать волю фантазии, производя на свет не научные, а исключительно «художественные» труды. Благо, что канва для этих цветистых вышивок была уже подготовлена.

Среди «вышивок» особо выделяется один из романов Карла МАЯ — этого немецкого Фенимора КУПЕРА и Майна РИДА в одном лице. Три главных героя романа преследуют четвёртого — сбежавшего из Северной Америки в Сибирь преступника. Здесь автор и сталкивает их с аборигенами, совершенно не похожими на благородных индейцев Дикого Запада, к которым так привязался европейский читатель благодаря более ранним романам этого автора. Дикий Восток предстал уж совсем диким. И абсолютно не романтичным, каким бы ему следовало быть по законам жанра. Чего стоили одни вечно пьяные и постоянно готовые на любое преступление буряты, повстречавшиеся героям на Байкале...

В других книгах Мая российские персонажи не встречаются. Зато сама Россия фигурирует там как воплощение абсолютного зла. И даже главный отрицательный герой, грек по национальности и православный по вероисповеданию, помимо других ужасов и безобразий шпионит в пользу России.

Понятно, что такие романы не могли быть доступны советскому читателю. Особенно после войны — ведь этими книгами, ко всему прочему, по молодости зачитывался Гитлер. В Западной же Германии они расходились миллионными тиражами. А значит, на них выросло несколько поколений.

Какой вклад в формирование облика нашей страны внесли книги этого замечательного во многих отношениях писателя, а тем более впоследствии снятые по ним фильмы, представить нетрудно. Достаточно вспомнить, как фильмы «про индейцев» киностудии DEFA по уже «идеологически верным» романам Лизелотты ВЕЛЬСКОПФ-ГЕНРИХ повлияли на наши представления о Союединённых Штатах.

По словам Йоханнеса Фосвинкеля, созданный в начале XX века образ Сибири оставался актуален и для следующего поколения писателей, представляющих её территорией сплошного пьянства, насилия и беззакония. Примером может служить роман, героем которого — немецкий профессор, скрывающийся от царской охранки — этакий сибирский Робинзон Крузо. В угоду многочисленным любителям сибирской экзотики этот классический сюжет довольно часто эксплуатировался европейскими авторами. Особенно когда вполне травоядную охранку сменила плотоядная ЧК, а затем НКВД.

Надо сказать, что в период между двумя мировыми войнами в литературе зазвучал ещё один характерный мотив. Особо отчётливо он проявился в воспоминаниях одного немца, воевавшего в армии Колчака. По его признанию, в Сибири он столкнулся с воскресшей из небытия империей Чингисхана. Описываемые события им преподносились как борьба христианского мира с кровавыми гуннами. Вот такие весьма своевременные суждения закладывались в сознание будущих солдат Третьего рейха.

Однако горечь поражения часто способствует философскому осмыслению произошедшего. И совершенно не случайно следующим этапом развития сибирской темы стали автобиографические рассказы военнопленных, помимо прочего содержащие размышления о западной цивилизации, о Природе и Свободе.

Но и приключенческий жанр забыт, конечно, не был. Ярким примером служит роман Джозефа Мартина БАУЭРА, название которого на русском звучит приблизительно так: «Пока носят ноги». Опубликованный в 1955 году, он имел ошеломительный успех, в считанные месяцы был переведён и много раз выходил миллионными тиражами. Уже в 1959 по книге сняли телесериал, и тогда уже абсолютно все смогли узнать о немце, которому удалось сбежать из лагеря аж с мыса Дежнёва и, пройдя всю Сибирь и Среднюю Азию, добраться до Ирана.

Йоханнес считает, что этот сериал содержал в себе особый, очень важный для его соотечественников в послевоенные годы социально-психологический момент. Героем его был простой солдат — чистый, честный и уж конечно не фашист. Русские к нему были добры, а женщины так и вовсе без памяти в него влюблялись. Скверно себя вели только злые партийные функционеры да гулаговские церберы. И ещё одна красноречивая деталь — окончательным спасителем героя оказался армянский еврей.

При всех этих позитивных переменах в стереотипах Сибири в целом в сериале показана как один сплошной ГУЛАГ. И если вспомнить, что в конце пятидесятых совсем ещё юное телевидение не было, как сегодня, перенасыщено сериалами, то можно представить, какое воздействие на умы оказало это захватывающее многосерийное действие.

Вся надежда на здравый смысл

По мнению Йоханнеса Фосвинкеля, классический для немцев образ Сибири и по сей день сохраняется в их головах. Статьи, книги и фильмы европейских авторов и сегодня чаще всего воспроизводят устоявшиеся стереотипы. Журналист это объясняет стремлением коллег без лишних усилий попасть в коммуникацию. А для этого проще всего преподнести читателю то, чего он ждёт и что совпадает с его устоявшимся мнением.

Но сам Йоханнес старается не идти на поводу у закостенелых заблуждений и предрассудков. Однако считает, что их завалы, веками нагромождаемые в головах, надо разбирать с некоторой осторожностью, без резких движений. Скорее всего, это правильно. В самом деле, нельзя же допустить, чтобы вместе с заблуждениями разбивались и головы (чего, как видно, некоторые и добиваются).

К счастью, помимо враждебных стереотипов существует и здравый смысл. В целях самосохранения он вопреки стараниям безрассудных политиков создаёт противодействующую им силу — стереотипы, способствующие добрым отношениям. Например, нам с немцами, несмотря на более чем сложную историю (а может именно благодаря ей), удалось сформировать какое-то особое понимание и уважение друг к другу. И, что важно, сформировать чувство ответственности друг перед другом и перед теми, кто волей обстоятельств зависим от наших взаимоотношений.

В том, что это именно так, легко убедиться, вспомнив столетиями бытующие среди русских представления о немцах. У кого в доме и на улице всегда чистота и порядок? У немцев. Где делаются самые добротные, качественные вещи? В Германии. И даже если эти вещи подводят, тут же находится оправдание — это всё «понаехавшие», немцы бы так не сделали.

Немцы же в свою очередь считают русских добрыми, гостеприимными, по-хорошему простыми и душевными. И это, по словам Йоханнеса, полностью соответствует действительности. А вот наши позитивные стереотипы о его соотечественниках он находит несколько устаревшими, утверждая, что они уже не так дисциплинированы, пунктуальны и не так помешаны на качестве. Но считает, что эти изменения пошли немцам только на пользу — благодаря им его народ стал более естественным и человеческим.

Видимо, именно в этом ключе «человечности» наша всем известная бесшабашность воспринимается немецким журналистом, его коллегами и читателями как нечто очень забавное и часто вполне позитивное.

Вообще, в Германии бытует представление, что в России благодаря отсутствию жёстких поведенческих норм можно увидеть совершенно абсурдные, удивительные вещи. Что жизнь у нас хоть и сложная, но имеет свои весёлые стороны. Кто из нас возьмётся с этим спорить? Да мы и сами иногда не прочь над собой пошутить.

Вообще, с некоторыми представлениями о нас мы можем согласиться без всяких оговорок. А каким-то, на наш взгляд ошибочным, представлениям можем легко найти оправдание. Например, как можно объяснить странное для нас утверждение, что в России сложно наладить контакт с людьми? Согласиться с этим, конечно, трудно. Но, с другой стороны, откуда мы можем это знать? Нам же не приходится договариваться с соотечественниками, произнося слова с явным немецким акцентом. Может, и вправду сложно?

А вот с типичным для иностранца утверждением, что в Москве люди не смотрят в глаза, что каждый сам по себе и ни на кого не обращает внимания, спорить у нас никто не станет. Как не станет спорить с высказанной немецким журналистом оценкой столичного бытия: «В Москве просто нет времени для каких-то человеческих моментов — всё только по делу. Московские коллеги всегда дадут номер нужного телефона, что-то подскажут, но не более того. А вот в Петербурге с людьми помимо работы можно и про жизнь поговорить. Вообще, когда долго сидишь в Москве, начинаешь забывать, что на свете есть что-то другое».

К счастью, корреспонденту «DIE ZEIT» засиживаться в столице не приходится. И он с удовольствием разъезжает по российским городам, находя там более человеческие отношения и более открытых людей. Тем не менее, собираясь в какой-либо город, Йоханнес предпочитает ехать туда, что называется, с рекомендациями.

Его удивляет, что если встречаешься с кем-то не просто так, а через кого-то, встреча проходит исключительно гладко. И совершенно не надо бороться за доверие. Вообще, в публичном пространстве отношение к нему россиян обычно холодное, а вот в приватном, у себя дома — совсем другое дело. И здесь наступает очередь удивляться — разве в Германии иначе?

Так, по возможности заранее «наведя мосты», Йоханнес и делает кратковременные вылазки из Москвы на необъятные российские просторы, где его встречают совсем другие люди и совсем другая жизнь. В Сибири он побывал на Алтае, в Новосибирске, Тюмени. Бывал на Дальнем Востоке, в Якутии — в Верхоянске и Мирном. И что его удивляет, так это то, что россияне почти ничего не знают о том, как живут в других регионах страны. «Когда я в Москве рассказывал о Якутии своим русским знакомым, — не

доумевает журналист, — казалось, что им про Марс рассказывают. Про жизнь в Верхоянске они сидели и слушали целую вечность, и все просили рассказать ещё что-нибудь. Говорили, что и не подозревали ничего подобного».

Нас же этим не удивить. Познания москвичей о провинциальной жизни общеизвестны. А, с другой стороны, живя в такой огромной стране, приходится смириться с мыслью, что увидеть её всю целиком просто не хватит жизни. Тем более что в ней немало таких удивительных и труднодоступных мест, где человека и вовсе не встретишь.

В такие места немецкому журналисту пока забраться не удалось. Зато он бывал в совершенно особой, до недавнего времени «режимной» глубинке — в посёлке со странным для иностранца названием «2-й участок». Нас же это название мало удивляет, тем более если речь идёт о Челябинской области, населённой, как известно, исключительно суровыми мужиками. И уж тем более не удивляет, что баню там топят только по субботам, а вся бытовая инфраструктура в доме состоит из одной лишь печки.

Не можешь избавиться — научись использовать

Это небольшое погружение в наши сегодняшние реакции друг на друга, возможно, кому-то может показаться слишком легковесным в силу того, что обойдены вниманием наиболее актуальные и болезненные темы. Но как было сказано выше, об-

Но и здесь, в России, он отмечает хоть и не большие, но изменения: «Иногда мне кажется, что по отношению ко мне появилась какая-то доля скептицизма, которого раньше не было. Но это как фон, и пока не могу сказать, что в прямом контакте я от этого как-то страдаю».

Хотя в шутку, да и не совсем в шутку, мне теперь говорят: «Почему вы нас бросили, немцы. Очень мы вами разочарованы». Но всё это ещё в лёгкой, не особенно серьёзной форме».

Очевидно, что пока эта форма такова, пока напряжённость в общении ощущается только на политическом, государственном уровне, а на личном её ещё нет, надо, не теряя времени, способствовать сохранению понимания и доверия между народами наших стран. И у Сибири здесь большие возможности. Ведь она и сегодня остаётся большой и важной темой для западных СМИ. Достаточно сказать, что в Германии празднование Рождества не обходится без программ о Сибири на первых двух телевизионных каналах.

Снег, тайга, добрые люди... «Возможно, это всё несколько смешно для вас, — предполагает Йоханнес, — но дошло до того, что телевидение отправило в Сибирь две семьи, чтобы они прожили там зиму и дали возможность снять документальную мыльную оперу. И это оказалось достаточно забавно».

Удивительно, но, несмотря на глубоко укоренившийся в сознании немцев образ ГУЛАГа, Сибирь многими воспринимается пространством свободы. Эта противоречивость объясняется сложившейся за триста лет традицией — одни авторы писали о Сибири как чуть ли не о царстве небесном, а другие преподносили её сущим адом. Но даже они, наблюдая, как Сибирь развивается и богатеет, признавали, что со временем она даст людям какую-то особенную по сравнению со старыми европейскими государствами свободу.

Бескрайняя Сибирь, в отличие от Европы, где сплошные границы и всяческие ограничения, границ не имеет. Огромные свободные пространства формируют здесь особый, свободный уклад жизни. Человек в этих пространствах зависит лишь от природы. Но это естественная зависимость, а потому вполне приемлема для людей независимого склада. И таких людей всё больше. А это значит, что интерес к Сибири пропадёт не скоро.

Но помимо романтики природы, на которую, по словам Йоханнеса, так падки его соотечественники, давно пора формировать в сознании европейцев образ современной Сибири. Надо расширить картину. Сибирь — это большие города, университеты, наука, современное производство, театры и концертные залы. Журналист из Германии уверен, что если играть на этом поле (и лучше подальше от политики), то интерес европейцев обеспечен. Не случайно же его немецкие и французские коллеги говорят, что ему очень повезло: «Ты в России, а значит, у тебя будут печатать всё, что ты напишешь».

Галина ДМИТРИЕВА

Россыпь бриллиантов

Мы разговаривали с Ольгой ВАЛЬДМАН вечером в пятницу в детском развлекательном центре, пока наши дети играли в трёхэтажном лабиринте. Тридцать лет назад о таком аттракционе знать не знали, двадцать лет назад — радовались ему в заграничных поездках, сегодня только в Красноярске лабиринтов с десятком.

«Ближний мир» меняется глобально и стремительно. Об этом, собственно, мы и говорили: уже сейчас, а не завтра, людям необходимы другие — современные — школы, музеи, парки, места отдыха.

Такие люди, как Ольга Вальдман, помогают новому состояться быстрее. Сейчас она занимается проектом преображения красноярских школ и мечтает об «опытных» цехах для детей, этнографическом парке и вообще о городе, в котором не только «можно», как на последней КРЯКК, но и удобно каждому жителю.

— Прежде чем рассказывать о своих проектах — немного предыстории. Я окончила иняз красноярского педуниверситета, попала работать переводчиком на КраЗ. Потом стала начальником административного отдела. Должность эта очень разноплановая и хлопотная. И когда у меня родился ребёнок, я поняла, что не смогу совместить роль мамы и работника огромной корпорации.

Подумав, решила, что интереснее всего мне проектная деятельность. И по чистой случайности узнала, что Фонд Михаила Прохорова в рамках КРЯКК открывает Школу городских изменений. Они угадали мои мысли, я ещё до этого хотела организовать в Красноярске что-нибудь необычное, чего здесь пока нет. Когда у тебя есть ребёнок, ты по-другому начинаешь смотреть на городскую инфраструктуру. А тут прибавился и опыт, вынесенный из поездки в Канаду...

— Это была командировка или грантовое путешествие?

— Ни то ни другое, у меня в Калгари живут родственники. И прошлым летом мы с Данилкой приехали туда на три месяца. Было интересно узнать, что есть в Канаде такого, чего не встретишь у нас, и я провела своё мини-исследование.

Предметом исследования стали парки. У канадских парков разные «начинки», но строятся они по одной схеме. Подход очень рациональный, нет тяги к украшательству, дорогого дизайна, но есть чёткая установка: как сделать место общественного пользования удобным, с точки зрения тех, кто его посещает. Все отталкивается от физиологических и психологических потребностей людей: детей, родителей, инвалидов. Например, в детском парке перед умывальником всегда есть стоечки, чтобы ребёнок мог дотянуться и помыть руки. Есть пеленальные столики, пандусы для колясок. Для владельцев собак созданы условия, чтобы они могли появиться в определённых участках парка с животными и никому не мешать при этом. Нет мрамора, фигурных решеток, всё очень просто, функционально, полезно — и это впечатляет.

Что интересно: денег канадцы тратят больше, а вот выглядит это проще, чем у нас, менее пафосно. Но более функционально и удобно... И я стала изучать — в чём же глубинная

суть канадского подхода. Ведь живя, в общем-то, на севере, калгарийцы тем не менее умеют привлекать ежегодно более миллиона туристов! На всякие фестивали и прочее. Такое «ноу-хау» Красноярску очень бы пригодилось...

Ещё меня поразили детские научные центры. Это нечто среднее между станцией юных натуралистов или техников и детским развлекательным центром, залы и экспонаты для детей разного возраста. Очень развито взаимодействие между организациями. Если это музей, он сотрудничает с театром, устраивает совместные постановки, везде работают специалисты. Если парк — то в нём не только аттракционы, но и занятия для посетителей. Вовлечённость во всё это тех, кто ходит в парки, вызывает восхищение.

Насмотревшись, я сформулировала свои предложения в заявке и подала в Фонд Прохорова. И меня включили в число учеников Школы городских изменений. Я выбрала группу «Город, в котором дети могут», и мы начали работать на площадке школы № 89. Собрали идеи, как можно преобразовать школьное пространство исходя из потребностей детей, учителей и родителей, и предложили конкретные решения. С этим пакетом я потом пошла в Главное управление образования Красноярска. При их поддержке завязались отношения со 144-й школой в Солнечном, где оказался очень креативный и отзывчивый коллектив.

Директор собрала педагогов, человек 30-40, я обрисовала им ситуацию: мол, есть такой неденежный проект, который способен изменить среду, окружающую нас, в лучшую сторону. По глазам аудитории было понятно, кому интересно, а у кого — полное отторжение: то, что я предлагала, представлялось им дополнительной нагрузкой к и так не маленьким обязанностям.

Говорю: проект абсолютно добровольный, и участвовать в нём смогут только те, кто по-настоящему этого хочет. В итоге образовался костяк человек восемь, и они включились в работу вместе со мной.

Потом возникла идея привлечь к проекту студентов. Во время учёбы студенты делают колоссальные проекты. Я сама дважды была студенткой: перед тем как пойти в педуниверситет получила диплом модельера-конструктора одежды. Многие мы делали просто «в стол» — титанические усилия, чтобы получить оценку. А потом эти вещи просто хранились у мамы в кладовке. Но ведь можно делать курсы с пользой?

С такой установкой я и пришла в СФУ — не «давайте поработайте на

нас», а «попробуйте себя на конкретной площадке, в настоящем деле». Школа очень удобна для того, чтобы отрабатывать идеи. В управлении образования написали письма в институты СФУ, и первым стал Институт архитектуры и дизайна.

Такого тёплого приёма я даже не ожидала! От знакомства с людьми, которые там работают, у меня самые лучшие чувства и впечатления. Там высочайший профессиональный уровень, даже по работам студентов это видно. Мы договорились с Сергеем Михайловичем ГЕРАЩЕНКО, Светланой Анатольевной ИСТОМИНОЙ, Геннадием Ефремовичем КАРЕПОВЫМ, что в следующем году институт возьмёт школу в качестве площадки для курсовых работ по дизайну помещений.

Кроме того, кафедра рисунка и живописи отправляет своих студентов на практику в школу. Преподаватели кафедры буквально на днях приезжали в школу со своими мастер-классами, рассказывали о кафедре и специальности, которую можно получить, обучаясь в институте, занимались с ребятами, выполняя, в том числе, и профориентационную работу.

Следующим институтом СФУ, куда я отправилась, стал Гуманитарный. Там тоже откликнулись на мои идеи. Марина Анатольевна ЛАПТЕВА предложила поработать со школьными музеями. Сейчас они существуют в традиционном формате, хотя возможностей очень много. Экспозиции могут быть разными. Даже просто собирать старые вещи: чайники со свистком, катушечные магнитофоны, телефоны с дисками — интересно. В каждой школе может быть своя идея. И это разнообразие, взаимодействие и соревновательность между разными школьными музеями содержат в себе значительный потенциал...

Вообще же, на мой взгляд, самой нашей школе очень не хватает современности. Большинство существующих школ застряли в советском времени. И этот диссонанс чувствуется. Школьники бывают в торговых центрах, современных кинотеатрах, ездят за границу, а потом приходят в школу и видят, что она отстала.

— Как должна измениться школа согласно вашему проекту?

— Сейчас школьное пространство абсолютно предсказуемо. А детям на переменах практически нечем заняться, они или бегают, или сидят, уткнувшись в свои телефоны.

Мы проводили исследование: предложили младшеклассникам нарисовать, какой они мечтают видеть школу, в средних классах дети писали об этом сочинение, а в старших — заполняли анкеты. Проанализировали все ответы и выяснили: школе не хватает ярких красок, условий для занятий на переменах, для простого личного общения. Всё в итоге свелось к 14 пунктам.

— Можно подробнее?

— Маленьким хочется ярких красок — и мы рассчитываем пригласить студентов кафедры рисунка и живописи, чтобы расписать стены.

Старшеклассникам нужно место для общения. Посмотришь — они все, как воробушки, на подоконниках сидят. Нужны удобные зоны общественного пространства.

Мы предлагаем ввести в школьные общественные помещения игровые элементы, изменить их внешний вид. Хотим преобразить зелёную зону, посадить комнатные растения в напольные кашпо.

Уже поданы документы на грант РУСАЛа, чтобы оборудовать внеклассное пространство для учеников младшей школы, наполнить коридор для малышей спортивно-игровыми модулями, такими как большие мячи кубы, маты, кольца.

Ещё один из 14 пунктов — школьное радио. Моя задача — найти людей, которые подскажут алгоритм его создания. Нет смысла изобретать велосипед. Нужен специалист, который откликнется и научит детей. Кстати, это важно и с точки зрения профориентации. Может, завтра эти старшеклассники пойдут работать в медиа. Вообще нам очень нужны профессионалы в разных сферах. У учителей свои задачи, другая картина мира. Надо приглашать компетентных людей из других профессий, которые помогут выстроить альтернативное пространство.

Но посыл нашего проекта ещё и в том, чтобы максимально включить детей и родителей в проектную деятельность, позволить им окунуться в эту работу. Это связано с активной гражданской позицией: «Я не жду, когда директор или управление образования велит сделать что-то, или придёт волшебник и всё исправит. Я сам иду в конкретное место, где можно что-то изменить, собираю команду, ищу ресурсы». Такая позиция и проектный менеджмент сегодня очень востребованы.

— Планируете потом применить наработки в других школах?

— Да, если получится, будем транслировать опыт. Но пока идёт отработка технологии. Мы собираемся в школе еженедельно, и я взяла на себя обязанность каждую неделю писать отчёт о том, что мы делаем. Первым этапом было проведение опроса разными методами, после — мозговой штурм, появились наши 14 пунктов, каждый из которых разбирается на свои подпроекты. Рождаются способы, как их реализовать: 50 на 50 с привлечением специалистов. Конечно, в каждой школе есть индивидуальные особенности, но в общую схему порядок действий переложить можно. Потом должна идти работа с фондами: где-то можно обойтись собственными средствами, где-то искать дополнительные.

— Вы работаете на общественных началах?

— Абсолютно.

— А чем, если не секрет, зарабатываете себе на жизнь?

— Я не бессребреник, у меня есть источник дохода, который позволяет посвящать себя общественной работе.

— Может, потому люди у нас и не проявляют социальной активности, что их уже ни на что другое, кроме добытия хлеба насущного, не хватает?

— С одной стороны, так. Но идея нашего проекта как раз в том, чтобы не стать дополнительной нагрузкой к жизни. Проект должен стать частью того, что человек уже и так делает. Я не прихожу в институты с призывом перестроить учебный процесс. Есть очень много готовых наработок, почему бы их не использовать?

Надо рассказать о проекте, за-
жечь людей, которые уже занимаются
своим делом, позвать их. Это главное
— найти своих людей. Например, за-
нимаясь сейчас школьным простран-
ством, мы активно работаем с Кра-
евой станцией юных натуралистов,
которая помогает нам с переформа-
тированием зелёного пространства.

Наш город вообще, на мой взгляд,
это россыпь бриллиантов: в Красно-
ярске масса интересных организа-
ций! Нанизать их все на одну нитку,
найти точки соприкосновения, при-
влечь к участию в общем деле — и
можно будет сделать очень многое.

А вообще, мне кажется, сейчас у
нас хоть и сложная, но интересная
ситуация: социальному предприни-
мательству помощь оказывается на
государственном уровне, вовлечены
и крупные промышленные корпора-
ции. Например, в РУСАЛе орга-
низована Школа социального пред-
принимательства, Фонд Прохорова
организовал на последнем КРЯККе
«Открытую школу городских измене-
ний». На государственном уровне
это Красноярский городской иннова-
ционно-технологический бизнес-ин-
кубатор, Центр содействия малому и
среднему предпринимательству.

Не является ли логичным про-
должение данной работы в крупных
учебных заведениях? Всё уже созда-
но, более того — работает. А резуль-
татом такого взаимодействия может
стать проектный центр, где студен-
ты смогут научиться реализовывать
свои социальные или даже бизнес-
проекты. И где, как не в студенческой
среде, искать бриллианты?

Кстати, ещё один интересный
проект предлагается совместно с
научно-развлекательным центром
«Гравитация». Быть может, на его
базе получится открыть зал промыш-
ленных предприятий. С этим я тоже
пошла в СФУ, и директор Института
нефти и газа Николай Николаевич
ДОВЖЕНКО идею одобрил, отметив,
что такие залы помогут оторвать де-
тей от компьютеров.

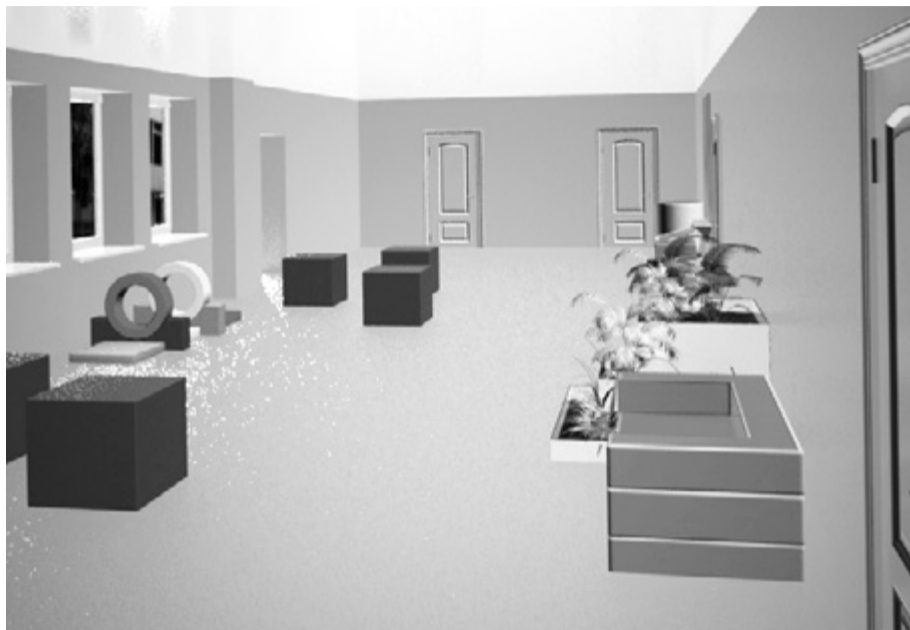
У нас даже взрослые подчас имеют
очень примитивные представления о
производстве, добыче полезных ис-
копаемых, а ведь это высокотехно-
логичные и интересные процессы. У
многих складывается впечатление,
что промышленность — это зло, за-
грязнение окружающей среды. Люди
не задумываются, что промышлен-
ность — опора государственной силы,
и результатами её работы мы пользу-
емся ежедневно.

В зале промышленных предпри-
ятий нужны не стенды или плаз-
менные панели, а какие-то интерак-
тивные конструкции, чтобы каждый
подросток-посетитель мог собрать
схему, разобраться в принципах дей-
ствия, вовлёкся в процесс. Надеюсь,
что эта идея разовьётся в самостоя-
тельный проект.

— А ещё после Канады вы меч-
таете о парке...

— Я давно и с большим удоволь-
ствием занимаюсь краеведением. У
Красноярска очень богатая история,
но если ты никогда не читал об этом
специально, то никогда не узнаешь,
что происходило в городе. Моя голу-
бая мечта — организовать историко-
этнографический центр. Больше все-
го мне интересен период со времени
основания города и до 1914 года, ког-
да Красноярск был центром Енисей-
ской губернии.

Мне хочется построить парк со
зданиями, стилизованными под
исторические прототипы, отражаю-
щими дух эпохи. И чтобы они работа-

Эскиз проекта школьного пространства

ли: например, булочная пекла пироги
по рецептам двухсот-трёхсотлетней
давности и в тех печах; почта прини-
мала письма, написанные в том виде,
как раньше. Эти объекты должны
быть привлекательными с коммерче-
ской точки зрения, чтобы государству
не нужно было брать их на баланс,
они сами бы себя поддерживали.

В центре можно устроить водо-
ём, насаждения из растений нашей
климатической зоны, которые не
требуют особого ухода. Не нужно ши-
карных цветников, достаточно про-
сто хорошего газона. В парке должно
быть место, где хорошо посидеть, по-
читать книжку, устроить с ребёнком
пикник на траве. Похожие парки ра-
ботают в Канаде, а ведь там почти та-
кой же климат, как у нас.

В парке можно всё время устраи-
вать разные события, постоянно дей-
ствующие шоу, чтобы было интересно
детям. Думаю, это должен быть парк
семейного отдыха. В первую очередь,
с продуманной инфраструктурой. У
нас сейчас много центров, но не везде
думают о посетителях. Вот мы сидим
здесь с вами, музыка гремит, но это
же не всем нравится.

На Западе в общественных мес-
тах есть комнаты, на которых висит
табличка с изображением плачущего
ребёнка — чтобы можно было зайти в
них и успокоить малыша, никому не
мешая. Плюс, конечно, должны быть
места, где удобно помыть руки, пере-
одеть ребёнка.

А ещё в парке нужна начинка. У
нас темой может быть история Крас-
ноярска.

— Где мог бы расположиться та-
кой парк?

Сын Ольги в одном из развивающих центров

дают урок на всю жизнь — навыки са-
моорганизации, структурного подхо-
да, вырабатывают быстроту реакции:
всё должно быть сделано «вчера». В
любой ситуации ты учишься мобили-
зоваться и включаться в работу. Это
просто бесценный опыт.

— Насколько, на ваш взгляд, хо-
рош для детей и дружелюбен к де-
тям наш Красноярск?

— Здесь есть над чем работать.
Мой сын Данилка, например, любит
строить космические корабли из лего.
Мы придумываем другие планеты,
«летаем» на них. Любит проводить
опыты, играем в «Юный химик». Но
вот если в Красноярске есть где за-
няться музыкой, спортом, танцами
или научиться рисовать, то мало та-
кого, где ребёнок мог бы реализовать
себя, если тяготеет к техническим на-
укам.

— А во Дворце пионеров?

— Там занятия уже для детей по-
старше. А хочется, чтобы появился
формат 0+. Почему не создать такой
центр? В Канаде наблюдала, как к
детям приглашают настоящих изо-
бретателей. Есть там даже такие про-
граммы, как «Юный хирург». Можно
предлагать детям занятия на любые
темы! Чтобы они могли активно по-
знавать окружающий мир, могли по-
трогать всё руками, сделать что-то
самостоятельно. Родителям очень
нужна помощь специалистов, ко-
торые учили бы детей чему-то по-
лезному. Нужно как можно больше
площадок, центров, музеев. А то бу-
дут думать, что булki растут на дере-
вьях...

— И всё-таки город меняется в
лучшую сторону?

— Да, мне кажется. Может, Уни-
версиада подстёгивает, да и просто
время такое. У нас очень много ин-
тересного, и если все части собрать
в общий пазл... Люди не могут жить
только бытовыми проблемами. Есть
потребность в самореализации, в
том, чтобы становиться участниками
общих интересных дел. Многие это
чувствуют, просто не знают, с чего на-
чать.

Мне нравится в Красноярске.
Предлагали остаться в Канаде, но я
русский человек и хочу, чтобы сын
рос в русской среде. Да, там очень
комфортно жить, но это чужая куль-
тура. А здесь много такого, над чем
можно работать, творить. Это мой со-
знательный выбор, я поняла, что хочу
жить именно здесь, никакой другой
город даже не рассматриваю.

Чем Красноярск отличается от
других? Мне кажется, прежде всего
органичной связью города с приро-
дой. Все улицы строились так, чтобы
был выход на реку, горы, сопку. Пло-
хо, что сейчас эти панорамы начали
блокировать высотной застройкой.
Например, едешь теперь по Октябрь-
скому мосту на правый берег, где
раньше была открытая панорама, и
будто лбом стучаешься в недавно по-
строенный многоэтажный дом.

...Где ещё такое может быть, что-
бы семь километров от центра города
— и ты в заповеднике? Километр — и
ты на горнолыжном курорте? Нельзя
нарушать связь города с природой,
это наше главное отличие от других
городов. Может, мы и проигрываем
в плане архитектуры, но остальное...
Когда к нам приезжают иностранцы,
они поражаются красоте Енисея и
окрестностей.

Красноярск — моя родина, и хо-
чется, чтобы город был удобным и
приветливым.

Татьяна АЛЁШИНА

«Мы променяли полёты»

Игорь ПОЛЬ — автор фантастических романов и успешный писатель. Когда-то, лет 15 назад, я знала его как отличного программиста. Тем большим сюрпризом для меня стало известие о том, что Игорь переквалифицировался «из физиков в лирики» — стал автором бестселлеров, за которые соперничали крупные издательства.

Когда, встретившись через много лет, мы начали общаться, выяснилось, что Игорь, помимо всего прочего, одним из первых в Красноярске в середине 1990-х начал заниматься анализом рекламного рынка — разработав собственную технологию задолго до того, как в нашу жизнь вошли модные западные методики.

Вот такой человек, решила я, — писатель, специалист в области информационных технологий, один из первооткрывателей рыночного капитализма в России, — лучше других сможет рассказать читателям о том, как менять жизнь, как начинать новое дело с нуля, как соединить алгебру с гармонией. И оценить, как изменилось за минувшие два десятка лет всё наше общество.

— Когда вы начали писать, это было хобби или сразу такая цель — напечататься?

— Писать я начал исключительно для себя, но так получилось, что мою книгу приняли в печать практически сразу после её окончания. Мне просто крупно повезло.

В то время у меня был небольшой бизнес, я торговал компьютерами, занимался разработкой систем автоматизации, и, в принципе, на жизнь мне хватало. И вот в какое-то мгновение я стал ощущать, что этот бизнес меня «поедает». Просыпаешься, пьёшь кофе, ныряешь с разбегу в эту соковыжималку, а вечером выполняешь оттуда совершенно без сил. Пролетают недели, месяцы, и ты однажды понимаешь, что не чувствуешь никакого морального удовлетворения, никакого удовольствия от жизни... Бизнес просто поедает тебя заживо!

Я чувствовал, что мне чего-то не хватает. Приходил вечером измотанный и перед сном брал почитать какой-нибудь лёгкий фантастический боевик, чтобы отвлечься от действительности... Есть такой писатель, Алекс ОРЛОВ, и вот читаю я однажды и думаю — ну, молодец, такая фантазия... Звездолёты, космос, танки, длинноногие красавицы, всё красиво намешано... И вместе с этим ощущение чего-то ненастоящего, ходульного. Нет смысла в поступках, нет конфликта, нет героев...

— Такие ощущения характерны для искушённого читателя. Вы, наверное, с детства любили читать?

— Да, я много читал. С семи лет бегал в библиотеку и приносил оттуда охапки книг. Читал всё подряд, от классиков до исторической литературы. Я вообще всеяден в этом смысле, хотя фантастику люблю особенно...

Так вот, возникло у меня тогда чувство не то что бы отторжения, а досады какой-то... Это как покупаешь классную вещь, например красивую куртку, издалека она такая эффектная, впечатляющая, а поближе рассмотришь — то шов неровный, то замок плохо застёгивается. И я подумал: вот бы написать боевик,

который оставался бы фантастическим боевиком со всем, что там полагается — лихим сюжетом, приключениями, но при этом люди в нём были бы живыми, и у них была бы достоверная психология, обоснованные поступки, настоящие характеры. Не могут два героя встретиться и ни с того ни с сего начать палить друг в друга из бластеров. Всегда должен быть конфликт, преодоление. В большинстве боевиков, которые я читал, ничего подобного не было. Они были картонными, что ли.

С другой стороны — а это было в 2003-2004 годах — достигло пика моё увлечение историей конфликтов в Юго-Восточной Азии середины прошлого века. Я прочитал тонны документальных и художественных книг на эту тему. Смотрел фильмы известных и не очень режиссёров, перелопатил множество ветеранских сайтов. Прежде всего, меня интересовала война во Вьетнаме. Хотя и Лаос, и Камбоджа, и Корея — тоже. В тот момент я ещё не забыл свою службу в армии и начал понимать, что правительства — коммунисты они или капиталисты — везде одинаковы.

— А где вы служили?

— В дивизии Дзержинского, в Москве. Потом ещё 5 лет отслужил сверхсрочно. А потом окончил институт и всё-таки ушёл из армии, хотя меня всячески пытались оставить. Фактически с какого-то момента я понял, что буду программистом, даже работать после армии устроился на кафедру системотехники в том же институте, где учился.

Это был конец 80-х, информатика внезапно стала модной, появились компьютеры-«персоналки», и программированием многие увлеклись не меньше, чем рок-музыкой. Два последних года обучения я уже работал программистом. И защищал диплом не по традиционной экономической теме, а на основе разработанной мною и товарищами по команде информационной системы под названием «Бриз». Защитился на «отлично».

— Творческим людям, похоже, тяжело крутиться в торговом бизнесе. Вот он и «съедал»...

— На 90% бизнес был действительно торговым, но мы выполняли и разработки на заказ. Хотя всё равно, да, такое существование изматывало. И вот, читая очередной боевик, я подумал — а как бы я такую книгу написал? Это было всё равно как читать исходный код программы и тут же видеть его недостатки, когда говоришь себе: вот здесь я бы сделал по-другому, вот это бы убрал вообще, тут добавил бы. И в результате та же программа работала бы быстрее, была более функциональной, имела более удобный интерфейс.

Ведь я же не просто программист, а специалист широкого профиля. Был постановщиком задач, бизнес-аналитиком. Это, на самом деле, непросто — принять заказ и выдать готовый

программный комплекс. Ведь что такое программа? Это система автоматизации чего-то, какого-то конкретного бизнес-процесса. Автоматизировать бардак невозможно. Надо сначала обследовать бизнес-процесс, составить его схему, оптимизировать эту схему и только потом по этой оптимизированной схеме ставить задачу и создавать приложение... Поэтому, когда работаешь с заказчиками, тебе приходится становиться и речником, и автобусным перевозчиком, и социальным работником...

Именно таким образом однажды была создана технология анализа рекламного рынка в Красноярске. Я тогда работал в издательском доме «Империум», где выпускалась феноменальная по популярности газета «Комок». И когда такая технология понадобилась компании, мы её создали. Я говорю «мы», потому что без Игоря Ивановича САПОЖКОВА, без его богатого жизненного опыта и остроумия, ироничного ума технология вряд ли увидела бы свет.

— Получается, деятельность всё-таки была разнообразной?

— Дело не в разнообразии.

Какие у меня были перспективы? Ну, хорошо, этот бизнес поднимется ещё на 10%, ну, на 30%... И этим я буду заниматься 40 лет?! Крутиться изо дня в день как белка в колесе, пока не откажут ноги? Наверное, поэтому я решил писать. Надеюсь получить отдушину. Выпустить пар.

В конце концов, что это такое — фантастический боевик? Это либо про шпионов, либо про армию, либо про будущее... В армии я служил и знал её хорошо. Служил, кстати, активно — объездил весь Союз, много чего видел. Что касается будущего — тут всё зависело от фантазии, а с ней у меня всегда всё было в порядке. В общем, однажды вечером я открыл ноутбук и начал писать.

— Но хотя бы какая-то мысль о том, что неплохо бы напечататься, мелькнула при этом?

— Не-е-т! Об этом даже речи не было. Я писал исключительно для себя. Приходил поздно вечером с работы, наскоро ужинал, загружал редактор и до трёх ночи стучал по клавишам...

Когда читаешь чужую книгу, кажется, что писать просто — видишь все недостатки текста, все его достоинства. Но когда начинаешь писать сам, понимаешь, что это довольно тяжело — мучаешься с тем, как построить диалог, как перейти от одной части к другой, элементарно — какой знак препинания поставить. Поэтому я «Ангела», свой первый роман, не люблю — я тогда ещё не умел с этим справляться.

В конце 90-х — начале 2000-х было множество переводной беллетристики достаточно невысокого качества, но я даже туда заглядывал, чтобы понять, как всё это устроено... И вот написал я то ли 150, то ли 200 килобайт текста и решил обратиться к своему другу — журналистке и писательнице Наташе ОЛЬХОВОЙ. В один прекрасный день кидаю ей своё творение

и говорю: тут такое дело, ты только не смейся, я решил книгу написать. Глянь, в общем, что получается... Она отвечает: о, круто, молодец, конечно, я посмотрю! Почитала и спрашивает: скажи, ты это сам всё написал? Я так оскорбился... Хотя она, конечно, не хотела меня обидеть, просто очень удивилась. Ей показалось, что пишет профессиональный писатель... Хотя сейчас я читаю эту книгу и понимаю — там очень неровный слог, просто какое-то школьное сочинение. И единственное, что там действительно есть — это энергия.

Так вот, Наташа меня очень поддержала. Без её поддержки я, быть может, и не закончил бы всего этого. Она была очень хорошей журналисткой, грамотным человеком. Жаль, что так рано ушла из жизни...

Потом я столкнулся с тем, что, даже если всё поначалу идёт хорошо, однажды ты упираешься в стену. У тебя уже написан приличный кусок, но в какой-то момент он превращается просто в текст, и книги ты дальше не видишь. Думаю, у любого писателя так бывает. В этот момент я снова написал Наташе: я застопорился, посмотри, что не так. Она меня ободрила: да всё у тебя отлично получается! В общем, придала мне очередной импульс. Я стал делать так: напишу несколько глав — ей скидываю, ещё напишу — ещё скидываю. Она мне ничего не подсказывала в плане сюжета, наоборот, подкалывала по-дружески — ну-ну, вот ты как зарылся?.. И как ты теперь собираешься вылезти?..

— Это была импровизация, или был готовый план?

— «Ангел»? Никакого плана не было. Потом уже были книги, для которых я составлял план, и он, естественно, менялся в процессе написания — герои начинали жить своей жизнью. Хотя и вторую книгу — «Ностальгию» — я писал как дышал. К тому времени я уже уволился, продал компанию. Со мной заключило договор издательство, точнее, сразу два.

— Вы решили посвятить себя писательскому труду?

— Ну, это какое-то странное выражение — «посвятить себя»... Я просто решил стать профессиональным писателем. Я тогда удивлялся: неужели за хобби можно ещё и деньги получать? Это было бы шикарно. Этакая иллюзия абсолютной свободы. К сожалению, эта мечта существовала недолго... Когда пишешь, ты отдаёшь что-то из себя, и это «что-то» потом надо пополнять. Неважно чем.

Когда крутишься на работе и общаешься с людьми, наблюдаешь типаж, слушаешь язык — ты же оттуда много чего черпаешь. Тебя обманывают — ты испытываешь эмоции, помогают тебе — другие ощущения. Просто сидеть дома и писать книги для меня оказалось невозможным без подпитки, без внешней энергии.

— Книги давались тяжело?

— Я не смог долго оставаться профессиональным писателем. Потому что это очень высокий темп. Чтобы быть в обойме, нужно выдавать минимум две книги в год. Хотя я выдал шесть книг меньше чем за два года. Но это был порыв, выплеск. Дальше такого темпа без снижения качества я выдержал просто не смог. Сейчас у меня перерыв, и уже довольно продолжительный, но я обязательно вернусь, рано или поздно. А сейчас я просто работаю аккумулятором. Коплю энергию для нового взрыва.

— Именно энергию? Вы как физик рассуждаете о писательском труде.

К звёздам на смартфонах»

— В одной из моих книг есть сцена концерта. Я её писал, вообще не вставая, около трёх суток. Отлучался только в туалет и чтобы налить чая. Вообще не спал. Это был какой-то фантастический поток сознания, я очень боялся потерять этот настрой. Писал-писал-писал, закончил главу, дополз до дивана, упал, выключился и спал больше суток. А когда проснулся, было ощущение жуткого похмелья. Голова трещит, тело разламывается от боли... Неделю ходил в таком состоянии. Это чтобы было понятно, как тратится энергия. Она даёт всё. Когда её нет, ты можешь придумать любые сюжеты, но ничего не получится...

— А как всё же книга попала в издательство?

— Свою первую книгу, как только дописал, я выложил в сеть. Просто переслал в три крупнейших на тот момент сетевых библиотеки, откуда её потом и растащили. Выложил, чтобы посмотреть реакцию читателей. Я потом и остальные выкладывал таким же образом. Были такие сайты Фензин и Альдебаран. Они и сейчас есть, но их купили издательства, и они потеряли своё значение. Но тогда их ежедневно посещали десятки тысяч человек.

Выкладывал я «Ангела» на эти сайты и волновался. Сначала пошли отзывы от людей, которые стараются первыми запостить свои комментарии, причём комментарии, как правило, негативные. Вроде того, что всё это ерунда, я бы и то лучше написал. Я тогда с содроганием подумал: ну вот, началось... А потом прошло дня два и — бах! — как взорвалось. Пошли восторженные отзывы. Просто потоком.

Читатели начали присылать письма. И на волне этого позитива я воспрянул духом, сел за компьютер, чтобы подкорректировать явные ляпы, а затем — чем чёрт не шутит? — разошлал книгу по издательствам. Одним из этих издательств была «Армада», и там любили печатать начинающих авторов. Ответ пришёл быстро, книгу приняли, но в результате почти детективной истории вышла она не в «Армаде», а в «Эксмо». Я как неопытный автор не сразу въехал в специфику отношений писателя и издателя, тем более российского издателя. Кончилось всё хорошо — мои книги в итоге стали издаваться и в «Армаде», и в «Эксмо».

— Книги расходились хорошо? Оправдали вы надежды издателей?

— Тираж «Ангела-хранителя 320» разошёлся очень быстро, почти мгновенно. Через две недели после выхода книги я получил награду «Бронзовый кадуцей» на Харьковском фестивале фантастики «Звёздный мост»... Награду эту мне передали через несколько лет.

В сентябре вышел «Ангел», а в октябре в «Армаде» выходит мой следующий роман — «Ностальгия». Тут на

меня начинает обижаться «Эксмо» — мол, если у тебя была следующая книга, почему ты её нам не отдал, у нас так не делается. Я им говорю: ребята, извините, вот если бы вы со мной договор заключили... «О'кей», — говорят, — давай заключим». Но в то время у меня уже был договор на серию книг с «Армадой». Оптом, так сказать. Книги выходили, и все они хорошо продавались — и «Ностальгия», и «Путешествие идиота», и «Знакомьтесь — Юджин Уэллс, капитан», и «Штампованное счастье. Год 2180». В 2005-07 годах я действительно жил только на доходы от писательства, как и полагается профессиональному писателю.

— И что легче: жить на доход от бизнеса или от книг?

— От книг, конечно. Потому что, во-первых, издательства сразу выплачивали аванс, а потом и потиражные, когда тираж превышал выплаченный аванс. «Ангел», если мне память не изменяет, в тот год допечатывался ещё дважды. Повторюсь, получать деньги за любимое дело — это удовольствие само по себе.

— Получается, вы удачно побыли писателем.

— Что значит побыл? Космонавт, даже если он слетал в космос всего один раз, всё равно остаётся космо-

навтом. Неважно, что в романе встречаются какие-то стилистические корявости. Я перед интервью перечитал немного, чтобы освежить память. Меня текст захватил, как и раньше — всё-таки там есть энергия, герой получился.

— Мне показалось, ваша проза кинематографична, по ней можно было бы снять фильм...

— Я к этому отношусь положительно, но в книге повествование идёт через призму восприятия главного героя, и я боюсь, что режиссёры — люди, зачастую не служившие — это восприятие передать не смогут. Останется лишь внешний антураж — грязь, кровь, стрельба...

— Но вот режиссёры фильмов «Взвод» и «Апокалипсис сегодня» это восприятие передали...

— «Апокалипсис», по-моему, очень слабый фильм. Эдакий фильм-гипербола, страшилка для комнатных пацифистов. Вот СТОУН, который снял «Взвод» — он где-то приукрасил, где-то смягчил, но снял практически автобиографический фильм. Ведь он служил во Вьетнаме, на огневой базе, и пережил массивную ночную атаку. Это был настоящий ад, и режиссёру удалось передать то, что он видел. Ещё Клинт ИСТВУД — я его

навтом. Ну да, сейчас нелёгкие времена, надо выживать, зарабатывать. Я уверен, энергия накопится, придёт нужный настрой, и я снова начну писать. Правда, это будет уже другой Игорь Поль. Более зрелый. Надеюсь, не скучный.

— А что-то изменилось после того, как вы попробовали себя в роли писателя? Как человек вы изменились?

— Конечно. Я почувствовал себя демиургом. Создал несколько собственных вселенных.

— Один из ваших миров, надо сказать, получился довольно brutalным. Мне, например, когда я начала читать «Ностальгию», было не по себе.

— Это действительно тяжёлая книга. Книга-отрезвление для тех, кто любит пострелять на свежем воздухе и кто считает, что война — это такая увлекательная прогулка по экзотическим местам. Не скрою, мне было приятно, когда по силе воздействия некоторые сравнивали меня с ОЛДРИДЖЕМ... У меня есть читатель, который был в горячей точке, и он мне как-то написал: «Знаешь, Игорь, после того как я прочитал «Ностальгию», я посмотрел на себя глазами солдата и очень многое понял. И это перевернуло мой мир». Такие отзывы дорогого стоят.

уважаю как актёра, но ещё больше как режиссёра. Он снимает очень близко к военной реальности и понимает солдата.

— За последние 20-30 лет цивилизация совершила гигантский скачок в развитии. Позитивно или негативно вы оцениваете достижения IT-технологий и Интернета?

— Жизнь, конечно, изменилась, но как? БРЕДБЕРИ сказал: «Люди — идиоты. Они делали кучу глупостей: придумывали костюмы для собак, должность рекламного менеджера и штуки вроде iPhone, не получив взамен ничего, кроме кислого послевкусия».

А вот если бы мы развивали науку, осваивали Луну, Марс, Венеру... Кто знает, каким был бы мир тогда? Человечеству дали возможность бороздить космос, но оно хочет заниматься потреблением: пить пиво и смотреть сериалы».

Бредбери был ярким представителем фантастов 50-60-х, он писал для людей, которые стремились к звёздам. Тогда русские первыми оказа-

лись в космосе, американцы первыми высадились на Луне, и люди думали, что всё, через 20 лет мы будем на Марсе. Но... Бредбери оказался прав, полёты к звёздам мы променяли на болтовню по телефону. На что сейчас работает индустрия? На бесконечное потребление.

Да, действительно, теперь планшетный смартфон по мощности в несколько раз превосходит «РС-шки» начала 80-х. Да, появились базы данных, операционные системы и графический интерфейс. Информатика проникла глубоко во все сферы жизни, и она эту жизнь во многом улучшила. Появились новые отрасли индустрии, бурно развиваются услуги, производство электроники. Но что изменилось в глобальном смысле?

— Появился Интернет с его информацией...

— Здесь тоже не так всё однозначно. Например, в 70-е человек, негодный властям, мог быть арестован, мог быть объявлен сумасшедшим, ему не давали печататься, затыкали рот. А сейчас? Ничего этого не надо. Сейчас ты выходишь и говоришь: вот я только что видел, как известный политик N пнул старушку. И при этом тебя совершенно необязательно сэжачат за якобы дискредитацию облика политика, потому что тут же появляются две тысячи статей, в которых убедительно доказывается, что всё наоборот, — это старушка пнула N. Или это N спасал старушку, и они вместе упали с крыши 10 этажа. И человек начинает тонуть в море информации. Твой голос в этом море просто растворяется. Ты перестаёшь понимать, где чёрное, а где белое, где верх, где низ. Способностью выловить крупицу истины из моря полуправды и смещённых акцентов обладают, к сожалению, немногие.

— То есть Интернет, по-вашему, зло?

— Нет, он очень продвинул цивилизацию в плане владения информацией, но, с другой стороны, затруднил возможность найти искомое и часто подсовывает нечто совершенно иное по смыслу и содержанию. Он захлестнул человечество лавиной ненужного.

— Может быть, он просто каталогизировал всё плохое и всё хорошее? Я говорю о каких-то прикладных вещах. Вот потерялся ребёнок, по Интернету пошла информация, очень ценна. Или собирают деньги на лечение больного, это теперь можно сделать куда быстрее, чем 15 лет тому назад. Солдаты в армии имеют телефоны, по которым могут звонить домой, и родители не так волнуются...

— Согласен. Возможность быть всегда на связи — огромный шаг. И быстрое распространение нужной информации — тоже хорошо. Но ведь и вредная, компрометирующая информация распространяется с такой же скоростью. Получается, что Интернет во много раз усилил всё то, что есть в человеке хорошего, и одновременно — всё то, что есть в нём плохого.

Вообще, мне доставляет удовольствие читать о современных достижениях, которые делают жизнь проще и комфортнее. Но порой мне всё-таки становится грустно. Грустно оттого, что я согласен с Бредбери. Мы променяли полеты к звёздам на смартфоны.

Елена НИКИТИНСКАЯ

Цифровых художников

«Цифровое искусство», или «digital art», сегодня на острие моды. Произведения, которые создаются с применением компьютерных технологий, способны настолько изменить наше сознание, среду обитания, понятие художника, что об этом, безусловно, следует поговорить. Собеседник — Юрий ЖОРОВ, старший преподаватель Института архитектуры и дизайна СФУ. Недавно со своими коллегами Юрий Владимирович посетил Университет Аберта в Лиссабоне, где проходила конференция по digital art, воркшоп по этому направлению, а также была представлена выставка цифрового художника Рудольфо КВИНТАСА. Поездка помогла не только влюбиться в цифровое искусство, но и положила начало внедрению данного направления в образовательные проекты СФУ.

— Расскажите, что это была за поездка в Португалию.

— Наш институт попал в международный проект Tempus, по условиям которого мы должны как с помощью обычных занятий, так и дистанционного обучения открыть новую специальность для магистратуры, которая будет называться «digital art». Такая специальность есть в Португалии, в Финляндии; мы с коллегами параллельно ездили в эти страны для ознакомления с зарубежным опытом.

— И что будет характерно для данной магистерской программы в ИАиД СФУ?

— У нас специальность «Цифровое искусство» будет со спецификой «визуальные коммуникации города». Есть просто digital art как искусство, есть интерактивные картины на плоскости, а мы решили перевести это в среду: восприятие среды с помощью цифрового искусства, с помощью программирования датчиков. У нас есть определённые проекты, которые мы могли бы направлять, например, на интерьеры, на город. Условно программа называется «Digital art в визуальных коммуникациях, в архитектурной среде».

Запрос на таких специалистов появился недавно. Например, работают дизайнеры, архитекторы — у них нет времени на визуализацию. Это пространственная ситуация, когда ведущий дизайнер набирает себе людей, фрилансеров, которые для него рисуют какие-то картинки. Чаще всего это делают так называемые визуализаторы, которые, например, получили специальность физиков, математиков; они разбираются в 3D-Max и начинают рисовать, а по идее работают не в своей сфере, не в своей теме, просто случайным образом туда попали, поскольку это прибыльно.

У нас задача — построить такую специальность, чтобы научить практически любой проект презентовать. То есть человек приходит к специалисту со своим проектом, а специалист может этот проект развить, представить более интересно. Это основная база. Плюс это всё должно продвигаться.

— Будет ли открыта эта программа магистратуры уже в ны-

Воркшоп

нешнем году? На сайте СФУ в перечне направлений подготовки на 2015 год данную программу уже можно увидеть.

— Не могу сказать точно, потому что лично не отвечаю за внедрение программы в образовательный процесс. Наша задача — написать учебник по «Креативному программированию» к концу года. Как раз целью поездки в Португалию было изучение опыта дистанционной, электронной формы образования по «digital art».

В университете Аберта мы, можно сказать, впервые увидели, что такое digital art и как через Интернет ведётся образовательное общение по этой дисциплине. Это было очень полезно.

Задача данного проекта Tempus заключается в том, что в России должно быть написано 10 учебников по нужной специальности, а всего 30 учебников по разным предметам. В программе участвуют 10 вузов разных городов — Москвы, Санкт-Петербурга, Саранска, Магнитогорска, Саратова... Каждый институт пишет три учебника. Например, наш институт пишет учебники по «Креативному программированию» (кафедра градостроительства), «Типографике» и «Цифровой анимации» (кафедра дизайна).

— Но вы ведь не копируете португальские учебники?

— Поскольку мы пишем учебник по программированию, нам требовалось изучить специальные программы для digital art. Мы сами нашли для этих целей удобную программу — она называется Processing. Её удобство для художника в том, что не требуется долго разбираться в коде программирования, а можно сразу пользоваться инструментами. С её помощью можно создать программы для Android, для телефона, набор видеорядов с обработкой, можно создать своё 3D-видео или отфильтровать существующее. То есть просто программирование с удобным интерфейсом.

И ещё одну программу мы нашли недавно — она называется «VVV». Эта программа ещё проще: идёт с помощью nod'ов, блоков; даже не нужно вписывать какой-то набор последовательностей. Просто берём «квадрат», туда перетаскиваем цвет — получается квадратик такого-то цвета. Если бы пришлось это программировать, получился бы очень большой код. И так всё идёт от простого к сложному: можем подключить видеочамеру, какой-то фильтр отображения и т.п.

— С чем таким вы столкнулись в Португалии, раз цифровое искусство стало для вас настоящим открытием?

— В течение двух недель мы участвовали в международной конференции по Digital art. Мы приняли

Рудольфо Квинтас

Юрий Жоров

участие в воркшопе по программируемой платформе. В принципе, ничего сверхвыдающегося там не рассказали, а вот то, что мы увидели, — произвело на нас впечатление.

Наверное, самое интересное было то, что мы участвовали в воркшопе. Мы хотели эту часть, которую мы увидели, включить в учебник. С помощью программирования нас познакомили с системой Arduino, где можно пользоваться электрическими датчиками. (Юрий продемонстрировал многочисленные образцы видео с использованием системы Arduino, где создаются проекты захвата человеческих движений и превращения этих движений в графические компьютерные схемы — набирающий популярность вариант интерактивного искусства. — прим. авт.).

Во время воркшопа мы учились совершать самые простые операции, которые после можно преобразовывать в сложные. Допустим, взяли обычную лампочку, через шину с клеммами подключили к ней батарейку (всё просто!). Потом подключили к ней выключатель, потом диммер, с помощью которого можно постепенно менять яркость лампоч-

ки. Затем вместо диммера подключаем фотоэлемент и начинаем светить на него фонариком. И чем ближе мы его подносим, тем лампочка начинает ярче гореть. Так вот, если посмотреть на это глазами архитектора, то ясно, что этим можно пользоваться в интерьере.

После этого мы подключили уже специальную систему со специальными датчиками, на которую можно закачать код (например, что одна лампочка горит, а вторая мигает с каким-то промежуток времени). Теперь не надо включать — выключать, лампочка сама работает.

Затем мы подключаем камеру, и через какой-то фильтр программирования это изображение пускаем на монитор. К этой же системе мы можем подключить сенсор, который будет улавливать человеческие движения. И что получается в итоге? Камера снимает, сенсор улавливает изображение, его фильтрует, и начинают взаимодействовать человек и техника. Выстраивается взаимодействие интерактивной среды — силуэт отталкивается.

То есть, познакомившись с такими простыми вещами и поняв принцип, как это работает, мы можем использовать его в создании креативной среды.

Помимо воркшопа мы побывали на выставке художника, который заканчивал этот университет — Рудольфо Квинтас. Выставка интерактивная. Автор сам нам рассказывал, как работает; собственно, благодаря ему мы и начали понимать современность и смысл цифрового искусства.

Больше всего понравились две работы, где человек взаимодействует с видео — танцует. Очень красиво и очень сильно. Мы смотрели это в тёмном зале. На меня это произвело наиболее сильное впечатление.

Или, например, подходим мы к айпаду, который висит на стене. Там тоже с помощью программы Processing устроено взаимодействие. Айпад нас считывает камерой, мы с помощью какого-то фильтра можем, например, исказить своё изображение, вывести это на монитор, где много картин и образов возникает, и тут же отправить это изображение с выставки себе на почту. Достаточно необычно.

Это искусство — не просто баловство, где любой человек взял и каких-то штушек нарисовал, заставил их двигаться. Одна инсталляция называлась «Абсорбция». Поначалу это выглядело так: какой-то глаз на чёрном экране, и с помощью сенсора этот глаз двигается и следит за зрителем, улавливает его движения. Если мы близко подходим, то изображение начинает как бы втягиваться в себя. Зритель смотрит — вроде, интересно, и не более. Но когда мы начали общаться с художником, он рассказал, что написал целую диссертацию по теме, связанной с этим проектом, где хотел показать, как наука может быть выражена с помощью искусства.

За основу он взял строение клетки и взаимодействие клеток между собой. Человек рядом с экраном может представить себя клеткой рядышком с другой клеткой, и они друг на друга смотрят. И когда одна клетка подходит, они начинают взаимодействовать, сливаться, развиваться. Художник специально ездил в Бостон, смотрел, как это всё происходит под микроскопом. В диссертации у него целый отчёт по этой теме и по тому, как это визуально преподавать. То есть чтобы создать одну работу, он провёл очень долгую аналитику,

Оценят завтра

и меня это очень сильно вдохновило. С помощью цифрового искусства он не просто хотел нарисовать какую-то интерактивную картинку, а именно показать, как устроен мир.

Причём он запрограммировал очень примитивные движения, и мы спрашивали — ведь можно было что-то более активное сделать? Но он ответил: тогда было бы слишком просто, надуманно.

Это очень необычно, что художник, который писал кистями и красками, переходит вот на такие электронные средства... И я понял, что так можно очень сложные вещи и делать, и воспринимать. И это, конечно, лучше онлайн работает: автор должен рядом с такими произведениями стоять и рассказывать, как он их придумал, как он их воспринимает. Тогда это будет интереснее и глубже.

— **И как всё это трансформировалось в вашу работу?**

— Во-первых, мы вдохновились. Во-вторых, в городе Порто мы случайно попали на видеомэппинг (технология, позволяющая осуществлять проекцию на неровные поверхности, на физические объекты окружающей среды с учётом их геометрии). Этот раздел тоже войдёт в наш учебник в качестве небольшой части. Нам безумно нравятся подобные вещи, мы хотим им учить наших студентов. Это ещё одна грань цифрового искусства.

— **Вы уже начали что-то внедрять в учебный процесс?**

— Приехав в Красноярск, мы поработали со студентами несколько тем, которые будем представлять на молодёжной научной конференции. То есть намерены активно пропагандировать это направление, где ещё не выработан систематизированный подход.

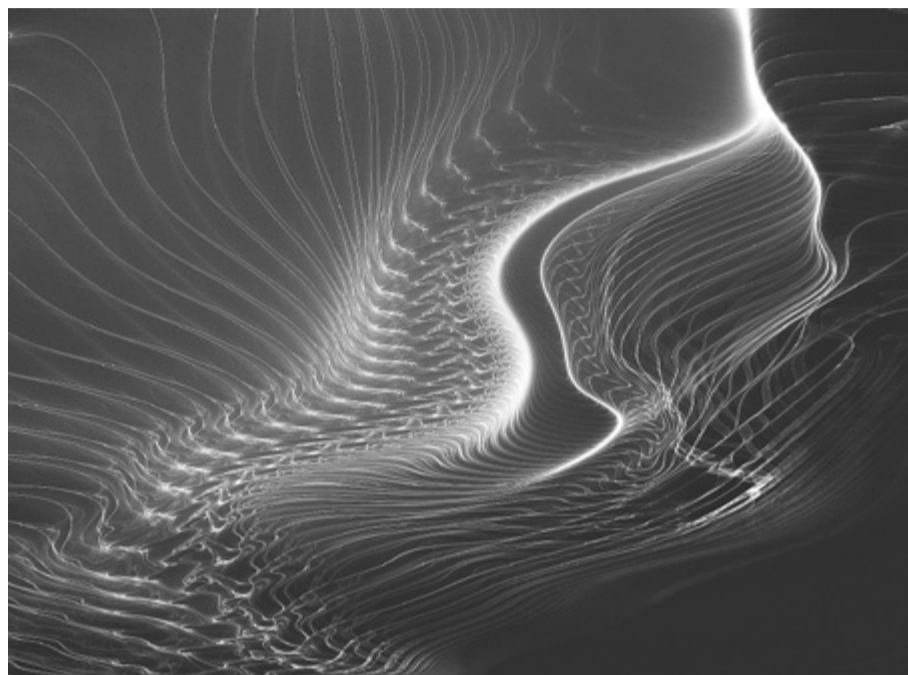
— **Какие перспективы развития у этого направления в Красноярске? Собирается ли ваш институт создать среду для показа digital art?**

— Мы планируем закупить специальное оборудование (сенсоры и др.) для реализации программы. И чтобы создать свою интересную лабораторию на базе института, мы планируем подать заявку на участие в конкурсе РУСАЛ «Формула будущего». Хотим вовлечь молодёжь, да и сами намерены учиться-развиваться в этой среде.

Оборудование в том числе позволит создавать художественные инсталляции — для города или на фестиваль света АРХваренье. Мы, кстати, показывали наше АРХваренье в Португалии — им очень понравилось. Здорово было бы привезти на АРХваренье этого художника Рудольфо Квинтаса, пообщаться с ним, чтобы он посмотрел, как мы здесь работаем.

— **Как бы вы хотели использовать возможности видеомэппинга?**

— Можно было бы использовать эти системы в градостроительстве. Например, наложить образ того, как нужно отреставрировать фасад здания, на существующее здание. Можно попробовать разное освещение на здании, разные текстуры, цвет. Можно, например, чтобы в течение недели-двух это работало, и жители города это видели, а потом провести среди них голосование: понравилось или не понравилось такое предложение архитектора, чтобы они участвовали в формировании облика города. Архитекторы с помощью видеомэппинга показывают варианты, в которых здания могут существовать, а жители города голосуют. Мы думали о том, чтобы принести пользу городу,

Dextro

Large-scale 3D printing

ABSORPTION. Rudolfo Quintas

а не просто делать красивые изображения.

— **Если бы у вас была возможность выбора здания для демонстрации видеомэппинга, что бы вы выбрали?**

— Я бы, наверное, выбрал театр оперы и балета. Хочет вдохнуть в него новую жизнь. Там красивое место, можно собрать много людей, которые смогут это шоу посмотреть, есть подоснова — белый, светлый фон; сама архитектура интересная.

— **Помимо видеомэппинга есть и другие примеры цифрового искусства — компьютерная графика, созданная с помощью 3D-принтера**

скульптура... Насколько вам интересны и эти формы цифрового искусства?

— Это тоже очень интересно, потому что некоторые скульптуры человек руками никогда не создаст. Чтобы такое придумать, используются цифровые технологии — трёхмерная программа, модификаторы. Могут получиться необычные формы, которые в жизни сложно найти. Человек не смог бы технологически проработать подобную скульптуру, такое можно только распечатать на 3D-принтере. Вообще, с помощью компьютера нетрудно стать творцом — создать какую-то форму и распечатать её с

помощью компьютера сможет любой человек. В то время как, например, с бронзой может работать только специально подготовленный человек.

В прошлом году мы были на выставке в Милане, где 3D-принтер печатал скульптуры, созданные самими зрителями. То есть ты нарисовал свою форму, ходишь, гуляешь, а на обратном пути забираешь свою готовую скульптуру.

— **Возможно ли в скором времени увидеть образцы цифрового искусства в СФУ?**

— Думаю, уже в течение года это всё будет. Надеюсь в рамках программы Темпус мы сможем купить 3D-принтер для института и некоторые другие вещи, чтобы это осуществить.

На данный момент многие эксперименты выглядят несколько примитивно; грубо говоря, «изоляцией примотано», потому что ещё не сложилось специальных техник применения некоторых технологий в искусстве. На конференции профессор с Филиппин рассказывал о том, как делал инсталляцию с применением kinecta — это смотрится примитивно, подобно тому, как авангардисты делали свои первые инсталляции в самодельных костюмах. То есть пока это осуществляется на крайне примитивном уровне, все только экспериментируют. И, конечно же, до архитектуры ещё очень далеко. Но обычно так и развивается искусство: сначала художник придумывает новый стиль, потом это находит поддержку, развивается целыми выставками, а уже потом выходит на площади — в архитектуру, в интерьер.

У нас есть планы, как цифровое искусство можно переводить в интерьер. Самый простой пример: чтобы цвет стен менялся в зависимости от погоды на улице или в зависимости от загруженности квартиры электроприборами.

Сейчас мы хотим изменить систему разработки проектов интерьеров (у нас будет об этом раздел в учебнике). Обычно дизайнер рисует картинку и показывает её заказчику. А мы хотим сделать какой-нибудь уголок в университете — две стены или желательнее вообще отдельная аудитория с проекцией интерьера на четыре стены; туда заводим заказчика, чтобы он смотрел не на картинке интерьер, а в нём присутствовал. Чтобы в зависимости от нажатия кнопки менялись обои, а при наступлении ночи включались светильники...

— **Как вы думаете, цифровое искусство — это та область, которая изменит искусство XXI века?**

— Безусловно. Правда, я бы разделил восприятие digital art как искусства и как средового решения. Если говорить об эстетической стороне, то это очень интересно и настолько ново, что сейчас даже мало кто готов воспринимать такое искусство. Так всегда и было с художниками в прошлом: они лет на 10 опережали современников, и их никто не мог воспринимать, только потом начинали ценить. И мне кажется, что digital art — это и есть то новое, что ещё будет оценено лет через 5-10, тогда это станет суперпопулярно.

А с практической точки зрения — это движение к фантастическому будущему, как это представлено в фантастических фильмах: всё будет интерактивное, живое, интересное. Хотя с виду это, скорее всего, будет очень простой интерьер.

Александра СИТНИКОВА

Белый властелин мира

Из всех веществ, когда-либо изобретённых человеком, нет более мощного, загадочного, но при этом знакомого каждому живущему на нашей планете, чем C₁₂H₂₂O₁₁. Скрывающаяся под этой формулой субстанция стала причиной чудовищной волны работорговли, в нашей стране послужила предпосылкой для массового производства алкоголя, а современными учёными считается последним нерегулируемым наркотиком. И все это наш старый знакомый, без которого обходится редкое чаепитие, — сахар.

«Мёд без помощи пчёл»

Ещё 200 лет назад люди в массе своей не ели сахар, это был драгоценный деликатес, доступный только богачам. Хотя сладкий вкус нашим предкам знаком прекрасно: именно потому, что сахар вызывает эйфорию и прилив сил, люди с древности были сладкоежками. Что только они не придумывали, чтобы подсластить себе жизнь: сгущали и вываривали фруктовый сок, ели пчелиный мёд, сушеные фрукты. Американские индейцы издавна умели делать аналог сахара из собранного и сгущенного кленового сока.

Больше всех от тяги к сладкому пострадали древние римляне: они кипятили красное вино в свинцовых котлах, полученные соединения ртути придавали питью сладковатый вкус, вот только сами любители красного потом жили недолго.

Первое растение, из которого начали добывать главную сладость, — сахарный тростник. Его родина — Полинезия и прибрежная Индия. Первое упоминание сахарного тростника датируется 327 годом до нашей эры: один из полководцев Александра Македонского приметил на берегах Персидского залива необычное растение. Аборигены сосали его стебли, как леденцы. «Трава, которая даёт мёд без помощи пчёл» — именно так назвал её воитель.

Первая попытка импортозамещения

Тростниковый сахар как «заморский» товар стал известен у нас только в XIII веке. Русская знать лакомясь леденцами, сахаром в головах, а также разными сладостями: вареньем, разнообразными ягодами и плодами в сахаре. С середины XVII века мы стали пить больше чая, а позже и кофе, поэтому спрос на сладость увеличился, и ввозить его в Россию стали больше.

И всё-таки в начале XVIII века в нашу страну попадало чуть меньше тонны сахара, а в 1718 году Петр I постановил открыть первый сахарный завод. Сырьё для него, к слову, завозилось также из-за рубежа. У Петра I была своя программа «импортозамещения», и в 1721 году он полностью запретил ввозить готовый сахар из-за рубежа. Сладенькое пришлось нам по душе, и если в 1762 г. в России было только 4 сахарных завода, то к концу XVIII века число их выросло до 20.

Но сырьё поставляли нам другие государства. О сахарной свёкле тогда никто не думал. В «Статистическом описании Российской империи» за 1802–1803 гг. указано, что в 1802 г. в Россию было ввезено морским

путём колониального сахара почти на 5,5 тыс. руб., а в 1803 г. — на 6,5 тыс. руб. Такая статья расходов была для бюджета русского государства тяжким бременем, и многие мыслящие люди призывали отказаться от этого продукта роскоши и избавить себя «от корыстолюбия иностранных народов». Но тяга к сладкому была сильнее здравого смысла.

Сахарное рабство

Сахарный тростник не рос в России. Зато прекрасно чувствовал себя в Новом Свете, куда его завёз Колумб в XV веке. И долгие столетия Америка получала огромные деньги от торговли готовым сахаром и сахарным сырьём. Не зря британские колонизаторы называли его белым золотом: некоторые историки считают, что прибыль от этого производства была столь велика, что позволила американским плантаторам выиграть войну за независимость у Великобритании.

Хотя первая коммерческая плантация была основана в 1432 году в Португалии принцем Генрихом Мореплавателем. Вслед за ним сахарные угодья были созданы в других восточноатлантических владениях Португалии более чем за 60 лет до того, как была налажена связь с Новым Светом. Свыше тысячи людей, в их числе несостоятельные должники, были завезены из Европы на сахарные работы. Их положение тогда было полурабским, но всё-таки не таким тяжёлым, как у работников в Новом Свете.

Сахарное рабовладение — специальный термин, обозначающий плантационное рабство в Америке. Учёные сходятся во мнении, что оно приняло такие масштабы, которых не знал Древний Рим. Массовый вывоз людей вёлся из африканских колоний, подконтрольных Португалии и Британии, и только в Бразилию было ввезено 4 млн африканцев, при этом столько же рабов погибли в пути.

Сахарное рабство по жестокости и беспощадности превзошло рабство древних времен. Оно тем более странно, что обращали в рабство христиане. Так стремление к сладкому одновременно отбросило европейскую цивилизацию на много веков назад.

Со временем колонизаторы вошли во вкус и ввозили подневольную рабочую силу не только для плантаций, но и для других работ. А сам факт угнетения одной расы породил предпосылки для непреодолимого раскола в американском обществе, который и сейчас вряд ли может быть окончательно преодолен.

Эра свёклы

Попытки найти другой природный источник сахара велись в России с середины XVIII века. Именно в это

время стало известно, что немецкий химик, член Берлинской Академии наук МАРГГРАФ в 1747 г. обнаружил присутствие сахара в свёкле. Это открытие стало началом эпохи дешёвого сахара, который, как считают современные врачи, в состоянии чуть ли не погубить нашу цивилизацию.

Однако в далёком XVIII веке это открытие позволило России освободиться от сахарной зависимости и начать производить этот продукт самостоятельно.

В 1798 г. профессор московского университета Иоганн БИНДГЕЙМ получил первый кристаллический сахар из свёклы. Пробы качества было поручено исследовать академику Иоганну ЛОВИЦУ, который доложил: «Сахар сей... по внешнему виду совершенно походит на чистейший канарский сахар, имеет надлежащую чистоту и ни в чём своими качествами не уступает сахару, из тростника приготовленного». По результатам этих опытов в 1800 г. в России был издан закон «Об отводе земель в южных краях России желающим разводить свеклольные плантации для деления сахару». Это был первый законодательный акт свеклосахарного производства. Так закончилась мировая монополия тростника. Сейчас в

России больше 30 сахарных заводов, а в год его производится больше 4 миллионов тонн, причём для наших нужд этого недостаточно, и больше миллиона тонн мы покупаем у ближайшего соседа — Белоруссии.

Массовое производство дешёвого сахара кроме очевидного блага имело один неожиданный «побочный эффект»: началось массовое производство крепкого алкоголя. Есть стереотип о том, что пьянство является чуть ли не древнейшей нашей традицией. На самом деле «веселия» наши предки достигали после «пития» слабоалкогольных напитков, полученных путём естественного брожения. Начало «северному» типу пьянства, когда за небольшой период употребляются ударные дозы алкоголя, положил спирт. Он, как известно, производится из картофеля, зерновых или

свёклы. Точнее — мелассы, раствора, который получается при переработке свёклы на сахар. Меласса — отход свеклосахарного производства, который составляет около 5% от веса переработанной свёклы. Вспомним, сколько сахара в год производит наша страна, и станет понятно, что от «тяжёлого» алкоголя мы вряд ли откажемся в ближайшее время.

Сладкий наркотик

Однако главная претензия современных диетологов и медиков к сахару связана не с производством алкоголя. Сахар сравнивают по силе воздействия на наш мозг с кокаином: он стимулирует те же зоны мозга, вызывая состояние удовольствия, легкой эйфории. Коварность его в том, что, попадая в наш организм, он распадается на глюкозу и фруктозу, минуя желудок, потому его и называют быстрым углеродом. Организм реагирует на сахар моментально, выбрасывая инсулин и снижая уровень глюкозы в крови. Именно в этот момент прилив сил, появившийся после баночки кока-колы, сменяется на апатию и раздражение. И хочется повторить. Такие «глюкозные качели» могут стать началом настоящей зависимости: не зря в европейской стране уже появились клубы анонимных обжор, ничем не отличающиеся от анонимных алкоголиков, а учёные говорят, что лучший способ уберечь ребёнка от наркотической зависимости в будущем — не перекармливать его конфетами.

Сахар, как и с любой другой наркотик, требует увеличения дозы. Именно поэтому мы не можем есть много сала, но не находим сил остановиться, когда перед нами коробка вкусных шоколадных конфет.

Организм, страдающий от выброса в кровь глюкозы, быстро утилизирует её — превращает в жировую ткань. Сейчас людей с ожирением в мире на 30 процентов больше, чем голодающих (причём обладатели лишнего веса — не обязательно богатые люди, скорее это проблема людей с низким уровнем дохода). Лишний вес есть у каждого третьего человека на земле. И это первая ступень к другим серьёзным заболеваниям.

За последние 50 лет мировое потребление сахара выросло в три раза, люди в возрасте 30–39 лет едят его больше всех — почти 20 чайных ложек в день. В числе передающих может оказаться даже противник сладкого — сахар как консервант и усилитель вкуса сейчас входит в 80% готовых продуктов. Найти его можно не только в готовой выпечке и чёрном хлебе, но и в мясных, рыбных полуфабрикатах, консервах, соусах, соленьях.

Изобретение сахара по степени разрушительности связывают с водородной бомбой. Жертв у сладкой субстанции сегодня гораздо больше, хотя их реальное количество вряд ли кто-то подсчитает. Даже в нашей стране, где существует специальный институт, посвящённый этому пищевому продукту — Всероссийский научно-исследовательский институт сахарной свёклы и сахара им. А.Л. Мазлумова.

Хочется верить, что сейчас мир стоит на пороге новой пищевой революции, и лет через 50 нас ждёт если не запрет свободной продажи этого коварного лакомства, то хотя бы разумный подход к его потреблению. Кстати, норма для взрослого человека — 30–50 граммов, то есть не больше 5–ти чайных ложек в день.

Анна ФИЛИПОВА

продукты, изменившие наш мир

Сахар — не единственный пищевой продукт, повлиявший на развитие нашей цивилизации. Изменили культуру чай и кофе, какао и шоколад. К сожалению, все эти лакомства также способствовали развитию нового витка рабства, пусть и не в таком объёме, как рабство сахарное.

Известный путешественник Васко да ГАМА, отправившийся на поиски кратчайшего морского пути в Индию и к странам Востока, совершил крайне удачное путешествие. Он вернулся на родину с кораблями, гружёнными мускатным орехом, гвоздикой, корицей, имбирем и перцем. К слову, перец тогда в прямом смысле был на вес золота: за унцию этой приправы давали унцию золота.

Повлияли на общество и совсем «неэкзотические» продукты, в числе которых простой сыр. Он был изобретён на Ближнем Востоке примерно 8000 лет назад. Этот калорийный продукт не только был пригоден для людей с непереносимостью лактозы, но и помог нашим предкам выживать в неурожайные годы.

Гарант социального компромисса

Как изменил жизнь каждого главный документ страны

Говорят, что наши предки не знали законов: отношения между ними были так просты, что дополнительного регулирования просто не требовалось. Первый письменный источник, содержащий правила поведения, появился всего лишь во втором тысячелетии до нашей эры — вавилонский правитель Хаммурапи объяснил своим подданным, как надо жить. Учёные — гуманисты считают этот кодекс своеобразным «социальным барометром», зафиксировавшим отношения между людьми четыре тысячелетия назад. Документ сохранился чудом: копий было много, но до нашего времени дошла только одна каменная стела с клинописными знаками.

Если кто-то захочет через тысячи лет изучить наши законы, ему будет намного проще: главный документ, определяющий правила жизни в нашей стране, издаётся миллионными тиражами. Но, к сожалению, мало знаком нашим соотечественникам и постоянно подвергается критике со стороны юристов-учёных. Речь идёт о Конституции Российской Федерации. Мы спросили об основаниях для критики у двух преподавателей Юридического института СФУ — заведующего кафедрой конституционного, административного и муниципального права, доктора юридических наук профессора Андрея Александровича КОНДРАШЕВА и кандидата юридических наук доцента Елены Рудольфовны ЗАЙЦЕВОЙ.

«У неё один плюс и много-много минусов»

— Андрей Александрович, что было провозвестником конституции в России?

— Учёные пытаются искать некие аналоги в актах Новгородской, Псковской республик. Действительно, многие решения в это время принимались народом, на вече: например, избрание высших органов, того же самого посадника. Хотя понятно, что эти документы были очень ограниченного плана. Если мы говорим о собственно конституции, то её непосредственным предшественником называют царский Манифест 1905 года, в котором впервые декларировался ряд гражданских свобод, личных свобод и образование законодательного органа, который независим от монарха и избирается народом. Избирательное право декларировано как раз в этом документе. Право на судебную защиту, право на собрания, митинги — всё это оттуда.

— А так ли вообще нужна конституция? Или человек мог бы спокойно обходиться без неё — много с точки зрения морали и нравственности и так ясно.

— Конституция не призвана регулировать все аспекты нашей жизни. Есть достаточно широкие сферы, которые касаются морали, нравственности, правил общежития, но не регламентируются вовсе. Конституция призвана регламентировать устрой-

ство государства в лице высших его органов. То, как распределяется власть, её компетенции, полномочия, взаимодействие друг с другом. Второе — гарантировать определённые права гражданам и невмешательство в эти права как со стороны государства, так и защиту от посягательства других граждан на эти права. Третье — конституция определяет некие базовые принципы, которые пронизывают всю правовую систему. Например, принцип частной собственности — если не прописать в этом документе, то его можно всячески ограничивать.

С точки зрения некоторых учёных, конституция — это как раз инструмент социальной справедливости, солидарности, она должна создавать некий механизм, который обеспечивает интересы разных социальных групп, помогает выработать социальный компромисс. Такой документ должен соответствовать интересам всего общества.

— Известен прецедент в Исландии: в 2012 году весь народ сообщил с активным обсуждением в Интернете — переписал свою конституцию. Может ли такой опыт транслироваться в других странах?

— У нас в советское время был институт всенародного обсуждения. Конечно, можно сказать, что это была условность, но по 1,5-2 тысячи поправок народ присылал. Не все вносились — часть из них, 200-300 поправок, попадали в конституцию. Сейчас этот институт законодательством не предусмотрен. Может быть, есть смысл его вернуть.

— Андрей Александрович, что дал нам современный вариант конституции?

— Нельзя сказать, что она повлияла на какой-то один аспект нашей жизни: принятие этого документа имело полисистемный эффект. Во-первых, изменилась политическая система: мы ушли от советской модели. Совершенно иной характер приобрёл пост президента: до 1993 года он был существенно ограничен в полномочиях. Сейчас по новой конституции президент хоть и не назван главой исполнительной власти, как это было раньше (в Конституции РСФСР, действовавшей до 1993 года), но фактически является и главой исполнительной власти, и главой государства, и одновременно верховным арбитром в деятельности всех ветвей власти. Это и хорошо, и порождает множество вопросов, споров — всё время с момента принятия Конституции России.

Кроме того, конституция создала совершенно новые высшие государственные органы, которых у нас никогда не было. Это Правительство (ранее — Совет министров), Уполномоченный по правам человека, Счётная палата, Совет безопасности, арбитражные суды. Их никогда не существовало в СССР и РСФСР.

— Какие права граждан появились в новой конституции?

— Например, специальные права-гарантии: презумпция невиновности, невозможность повторного осуждения, право на самозащиту, право на «молчание» (не свидетельствовать против себя), право не свидетельствовать против близких родственников, — такого не было никогда в нашей истории.

— За время существования современной конституции сколько поправок в неё вносилось? Я сталкивалась с мнением, что это один

из наилучших с точки зрения юридической техники правовых документов.

— У Конституции РФ есть один плюс и много-много минусов. Плюс — она документ краткий, формулировки в ней достаточно упрощённые, для восприятия они понятны. Причём не только юристам, но и простым гражданам. Авторы прямо заявляли: мы хотели конституцию, которую можно взять и положить в карман. Кроме того, она декларирует важнейшие права и свободы и устанавливает устройство государства, закрепляя конституционные институты (разделение властей, местное самоуправление, многопартийность, независимость СМИ, выборы президента и парламента и т.д.).

Но, несмотря на очевидные плюсы, минусов, как считают многие учёные, больше. Тенденция последних лет — это не краткость конституции, а более детальное регулирование всех конституционных институтов. Для чего это делается? Для того чтобы невозможно было подзаконными актами либо законами выхолостить эти нормы. Наша конституция, к сожалению, даёт такую возможность: формулировки предельно краткие, их очень мало, в деталях ничего не прописано. В результате возникает иллюзия, что можно все отобрать, ограничить и запретить.

Что же касается количества поправок, то здесь тоже всё неоднозначно. В нашу Конституцию с 1993 года было внесено всего 4 поправки (о продлении сроков полномочий президента и Государственной думы, ежегодном отчёте правительства, упразднении Высшего арбитражного суда и порядке назначения прокуроров и назначения Президентом десятой части сенаторов). В конституции зарубежных стран изменения вносятся значительно чаще. Например, в Конституцию Индии 1949 года было внесено более 500 изменений. А, например, в американскую Конституцию поправки в среднем вносились примерно каждые десять лет (всего 32 поправки, действует из них 27).

«Конституцию нужно учить в школе»

— Елена Рудольфовна, как изменилась наша жизнь после принятия Конституции 1993 г.?

— Для меня время принятия Конституции связано с личными впечатлениями. В 1993-м я училась в Москве в аспирантуре МГУ, и это время не по фильмам знаю: знаю, что такое коммандантский час, как бомбят кабинет, в котором ты ещё недавно работала. И вот в это непростое время у нас появилась новая Конституция. Если бы вы увидели прежнюю Конституцию РСФСР 1978-го года, вы были бы поражены: в этой небольшой книжечке были сплошные вставки — огромное количество поправок. Все говорили о том, что нужна была новая конституция. Понятно, что писалась она, грубо говоря, на коленке, и с первого же момента после её принятия было очень много критики. Но за 20 с лишним лет в неё внесено совсем немного изменений! Причём они не касаются каких-то серьёзных вопросов. Видимо, Конституция всё-таки создала систему государственной власти, которая работает уже больше двух десятков лет, а значит, не так она и плоха.

— В чём, на ваш взгляд, главное достижение российской Конституции?

— Это 51-я статья Конституции РФ, предусматривающая, что никто не обязан свидетельствовать против себя самого, своего супруга и близких родственников.

Мой сын адвокат, он говорит, что статья работает — все знают о ней. Более того, сейчас, если у вас нет средств, можно рассчитывать на услуги адвоката бесплатно, — такую возможность также дала Конституция.

В Конституции мы впервые признали разделение властей, признали частную собственность. Более того, огромный прорыв связан со всем, что относится к уголовному процессу: речь идёт, например, о невозможности повторного осуждения за одно и то же преступление или то, что арест, заключение под стражу и содержание под стражей допускаются только по судебному решению. Всё это, безусловно, большой шаг вперёд. Это сейчас мы воспринимаем её по-другому — всё-таки 20 с лишним лет прошло, привыкли к ней — живём по этим правилам. А тогда это был огромный прорыв! И, в конце концов, если бы в Конституции были какие-то неприемлемые вещи, мы бы быстро от неё отказались.

— Может, это происходит потому, что народ плохо знает Конституцию? Как вы считаете, почему к главному документу граждане так равнодушны?

— Я думаю, что его нужно изучать в школе. Причём некоторые положения прямо с первого класса, почему нет? Например, всё, что касается прав и свобод человека и гражданина. Конституция написана простым языком, это жанровая особенность таких документов во всём мире. Это не процессуальные кодексы, которые с первого раза поймёт не каждый юрист. Конституция понятна всем. А там ведь есть такие вещи, которые даже не все взрослые люди знают — например, что совершеннолетние дети должны содержать своих нетрудоспособных родителей. И о системе органов государственной власти тоже нужно рассказывать, но в старших классах. Это ведь на самом деле не юридический, а общеобразовательный материал. А у нас сейчас в этом отношении по-прежнему безграмотность.

— Как вы относитесь к практикам, когда сам народ через различные социальные институты может вносить изменения в конституцию?

— Почему нет? Но я против принятия конституции народом: принимать её через референдум — это самый недемократичный вариант. Почему? Например, мне понравилось 20 статей, а не понравилось 30, как голосовать? Выставлять такие вещи на референдум — глупость абсолютная. А вот обсуждать с народом — это очень хорошо. Идеальный способ — принимать конституцию учредительным собранием, в нашем случае это Конституционное собрание. С одной стороны, оно может не только обсуждать проект новой Конституции, но и вносить в него поправки. С другой — это представительный орган. И третье — у него отсутствует предвзятость, так как оно не вписывается в систему государственной власти.

Елена УСТИНОВА

Вечная энергия литературных

В начале апреля в Красноярске не очень заметно прошёл проект «Che Khov», цель которого — познакомить жителей города с новым взглядом на творчество ЧЕХОВА путём расширения границ литературы междисциплинарными практиками. Центральное событие проекта — показ фильма «Братья Ч», его приехали представлять режиссёр Михаил УГАРОВ и сценарист Елена ГРЕМИНА. Первый обсудил картину со зрителями, вторая прочитала лекцию о проблемах современной литературы, театра и кино и провела мастер-класс, посвящённый формам и методам преподавания литературы современным школьникам.

Антон Павлович Чехов для широкого круга зрителей и читателей — фигура вполне однозначная. Привыкшие с детства, со школьных уроков к человеку в очках, мы готовы смотреть поверх портрета, текстов и биографии. Речь не о восприятии конкретного писателя (хотя и это тоже), а классики вообще. Главная мысль: давно знакомое, затёртое, пересмотренное и перечитанное нужно реконструировать, найти новые точки интерпретации.

Именно об этом — проект «Che Khov». Фильм, лекция и мастер-класс собрали самых разных людей — это и преподаватели, и будущие преподаватели (студенты), и филологи, и актёры, и режиссёры театра, и тайно пишущие что-то в стол, которых оказалось удивительно много. Интерактивное знакомство на встречах показало — все они люди читающие, знающие театр и кино, поэтому обсуждать с ними перспективы современных искусств и то, как они могут нас менять, оказалось продуктивно.

Новый взгляд: Чехов-документалист

Фильм «Братья Ч» (в Доме кино в прокате с 16 апреля) рассказывает об одном летнем дне из жизни семьи Чехова на даче в середине 80-х годов XIX века. К этому времени Антон Чехов уже содержит всю семью: разорившегося отца, болезненную мать, сестру, старших и младших братьев. Он постоянно пишет — короткие рассказы в дешёвые журналы, длинные письма, но только начинает осознавать себя как писателя. Рядом с ним — отчаянно ревнующая сестра, старший брат Николай, талантливый художник, и Александр, друг и «завистник», одарённый писатель, обвиняющий Антона в том, что потомки будут знать только его.

По задумке авторов, Чехов здесь — скорее, просто человек, а не писатель, «молодой человек в кроссовках», не осознающий себя великим. Сценарий написан Еленой Греминой по собственной пьесе, которую несколько лет назад заказал ей фестиваль имени Чехова. В основу пьесы легли письма Антона и Александра (старший брат) Чеховых, воспоминания Александра и Михаила (младший брат), дневник Павла Егоровича (отец), сюжетные мотивы из произведений «Иванов», «Дядя Ваня», «Чайка», «Вишнёвый сад», «Три года», «Моя жизнь», «Шуточка», «Дуэль».

Режиссёр фильма Михаил Угаров рассказал о собственных ощущениях от писателя Чехова, которого он то ненавидит, то любит: «Чехов — это самая странная, самая закрытая фигура русской литературы. Это человек-сейф, вскрыть его невозможно, только версии строить. У него были причины быть сейфом — его детство, чудовищное, унижительное, он сам говорит об этом: учение кошек, обжуживание покупателей, история про то, как семья бросила его в Таганроге, списав на него долг, и уехала в Москву, а у него местные бандиты стали требовать деньги. Во времена Чехова только начиналась эпоха разночинцев, там рядом ТУРГЕНЕВ блестящий, дворянин БУНИН, уже позже босяк ГОРЬКИЙ, ЕСЕНИН в лаптях. Писатель-персонаж. Во времена Чехова этого не было, он не мог этим воспользоваться. Он создал свой персонаж, радостно воспринимающийся советской интеллигенцией. Застенчивый, остроумный, всё понимающий, очень тактичный, в пенсне, покашливающий. Советская интеллигенция очень тосковала по этому типу, поэтому Чехова обожествовали до предела».

Выбор Чехова на роль персонажа для художественного руководителя документального театра совсем не случаен. «Театр.doc» работает с интервью и судьбами реальных людей, на стыке искусства и социального анализа. В работе используются подлинные свидетельства, техника verbatim (актёры работают с диктофонами и не только расширяют интервью, но и прорабатывают сценические характеристики персонажей, считывая их с интервьюируемых), театральные игры и тренинги.

В этом контексте Михаил Угаров отметил, что одним из первых документалистов был Чехов: «Никто так не работал с прототипами, как он. Сейчас писатели так не работают, а здесь просто живые люди в ткани прорвались. Доходило до скандалов, до обмороков, потому что понимали, что сейчас все узнают. Лучшим другом Чехова был ЛЕВИТАН, с которым он дружил с 20 лет и до смерти, так он этого бедного Левитана описал всего. Всё, что тот по секрету рассказывал, всё, что знал как ближайший друг — всё было записано. В «Попрыгунье» Чехов подробно описал тайный роман с замужней женщиной, и вся Москва знала, кто эта женщина и этот муж. А муж — знаменитый врач, который, кстати, изображён на картине ПЕРОВА «Привал охотников». Я всегда думал, это охотники привалились, а это три знаменитых московских врача взяли ружья на охоту. У Левитана была истерика, он кричал, что Чехов мог хотя бы цвет портьер сме-

Михаил Угаров

нить в гостиной, но нет, в описании те же зелёные портьеры, и вся Москва их знала. Документализм шёл до того, что цвет портьер сохраняется — это знак подлинности».

В фильме есть история про девушку по имени Дуня, «последняя искренняя история его мужского чувства», после которой Чехов окончательно перестал показывать настоящие чувства. «У Чехова было много женщин, он называл их «мои поломанные куклы». Закончил он браком со знаменитой тогда артисткой, с другой артисткой случился припадок, ведь она была главной соперницей (тогда она срочно увела Максима Горького и вышла за него замуж). В фильме есть сцена, когда бывшая его любовница Наташа (любовница всех трёх братьев, свободная эмансипированная женщина) с ним разговаривает, а он её провоцирует на близость. Мы долго не могли понять его мотивации, ведь он этого не хотел, мы бились над этой сценой, пока я, наконец, не сказал, что у него в кармане диктофон, и ему нужна реплика. Тут актёр сказал: «Понял, я тоже в жизни часто этим пользуюсь» — только без диктофона, ему как актёру интересно экстремальное проявление человека».

Новая драма

Заложенное ещё Чеховым документальное в искусстве сегодня широко развивается, его элементы часто используются — это поиск нового языка, максимально честного по отношению к окружающей действительности. Главный посыл такой драмы — идти навстречу людям и не только показывать им какие-то проблемы, но и помогать их решать.

Кадр из фильма «Братья Ч»

Так, например, уникальный признак театра, существовавший всегда и сохранившийся как первостепенный, — непосредственное общение зрителя и артиста. Театр в отличие от других искусств ничего не оставляет после себя, фильмы всегда актуальны, потому что их можно увидеть в любой момент, а театр подобно человеческой жизни протекает здесь и сейчас и в этом смысле сохраняется таким, как тысячи лет назад.

Формат «Театра.doc», основателями и руководителями которого являются Михаил Угаров и Елена Гремина, предполагает глубинное обсуждение после спектакля, когда длившееся полтора часа действие о проблемах с личной историей актёра затем продолжается полуторачасовым обсуждением, и зрители рассказывают уже собственные истории. И это — равноправная часть спектакля. Елена Гремина рассказала об этой части работы: «Документальный театр интересен, когда построен на документальных свидетельствах реальных людей. Пьеса «Братья Ч» появилась, потому что есть огромное количество писем, живых и подлинных. Чехов нам кажется бесстрастным интеллигентом, но он был очень страстным, как пружина со сжатым темпераментом. Свидетельств было много, но когда мы остановились на истории с отцом и братьями, мне показалось, что эмоция пошла. Семейные конфликты — это что-то мистическое, это в чём-то похоже на театр, когда мы можем каждый вечер смотреть, как Гамлет скорбит об Офелии, как будто она не умерла вчера. Также и семейные конфликты — в этом есть вечная энергия».

Переход от «старого» театра к «новому» можно обозначить переходом от рассказывания к демонстрации. Театр теперь является пространством с дополнительной функцией такого места, куда можно прийти и получить ответ. Елена Гремина считает, что воспитательные функции театра должны сохраняться: «Недавно широко обсуждалась книга Ханс-Тиса ЛЕМАННА «Постдраматический театр», где есть тезис: театр, рассказывающий истории, уступил место театру, который является чисто визуальным порождением переживания. Конечно, визуальность стала сегодня важной — очень много информации человек получает через видео, картинки. Большие тексты люди читают с трудом, а калейдоскоп картинок — это та информация, которая востребована. Мы пережили революцию, схожую с книгопечатанием ГУТТЕНБЕРГА. Искусство каллиграфии, миниатюры на полях, целая культура осталась как раритет для знатоков. Вместо рукописей, в которые каждый переписчик что-то вкладывал, пришло тиражирование. Это была потеря, но было и приобретение».

Историю, которую мы сейчас пережили, что можно открыть Skype и по нему провести репетицию, раньше представить себе было сложно. Но всё равно я верю в театр как социальный институт, в театр, который может быть моментом воспитания, реабилитации, работой с уязвимой аудиторией».

Так, «Театр.doc» работал с женщинами в колонии строгого режима, они вместе ставили спектакли. После этого ни одна из женщин больше не совершила преступлений, некоторые из них стали зрителями театра, а с одной из них театр делает совместный спектакль. «Может быть, в благополучной стране театр может остаться только развлечением. Но я боюсь, у нас пока

КОНФЛИКТОВ

театр ещё очень нужен — пока он не может стать пирожным, пока ещё он, может быть, единственный хлеб, который человек должен получить».

Важная часть нового театра — «новые зрители», поэтому в «Театре.doc» многие спектакли бесплатные, чтобы люди, по социальному статусу лишённые культуры, могли туда прийти. Елена подчеркивает: «Театр — мощная вещь, способная сделать очень многое: поднять самооценку, поставить на место. Однажды мы ставили детский спектакль по моей пьесе, которую я написала о внучке. Дети-зрители должны были прямо на спектакле решить сложную ситуацию с воспитательницей: она спрашивала, как наказать непослушную девочку. Некоторые дети говорили «пороть», и их мамы от стыда покрывались пятнами. Я верю, что это может повлиять на них».

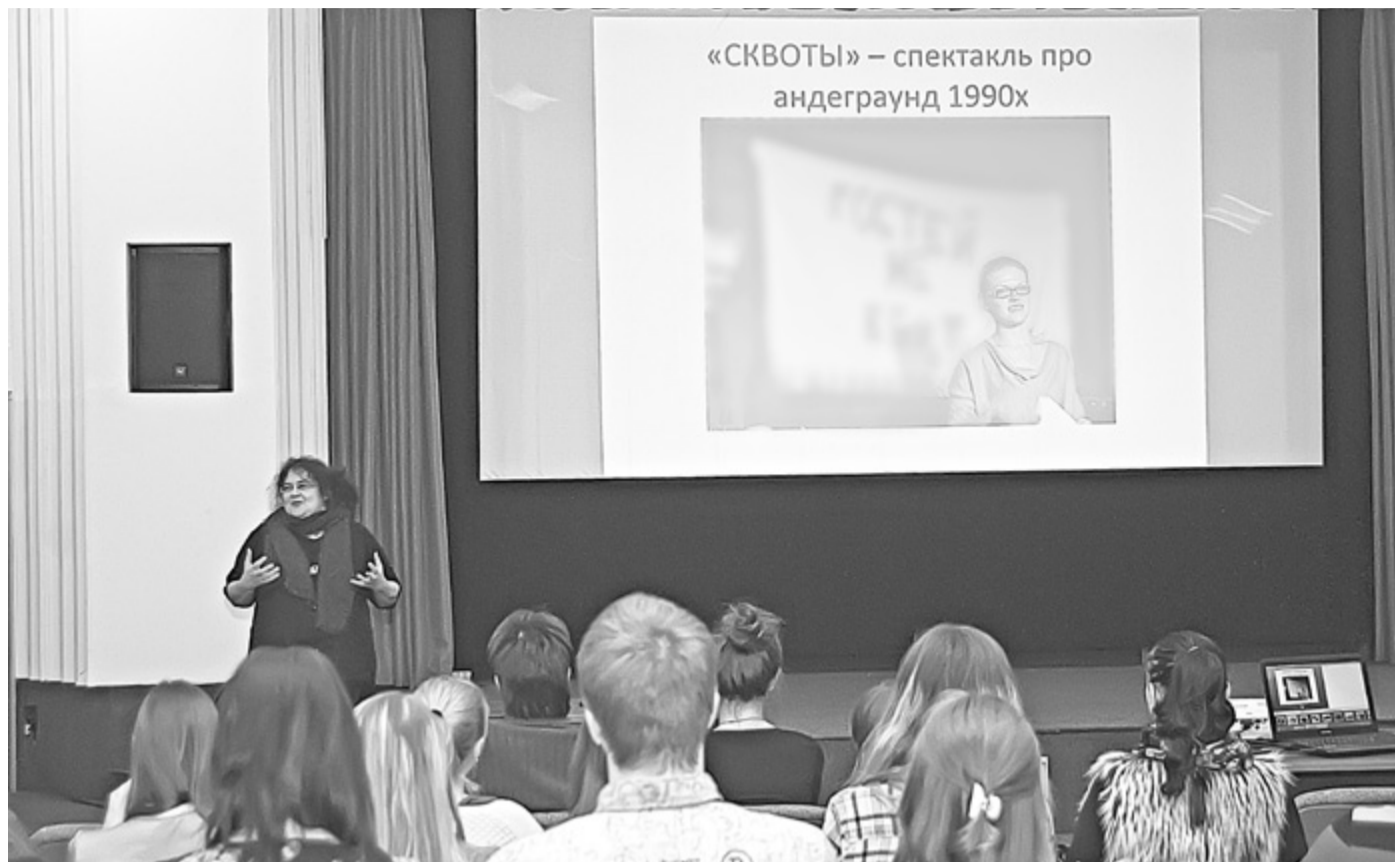
Театр не только воспитывает, но и создаёт, реконструирует новую реальность, отвечает на запросы времени. Елена Гремина попыталась представить, что случится с театром в будущем: «Борис Годунов в 1866 году был запрещён, автор никогда не видел его на сцене и очень много испытал переживаний. Или «Горе от ума», которое сейчас «наше всё», разошлось на цитаты, было запрещено тогда, его жгли при обысках. Очень трудно представить себе, что будет через год. Вполне возможно, что мы будем дрейфовать в сторону, например, Ирана, где реально могут высечь плетью за то, что девушка, вручая приз, обняла коллегу. Но я думаю, что писатели будут писать. В советское время был «эзопов язык» и восхвалялись какие-то вещи в истории литературы, которые никто не помнит. Нам повезло быть свидетелями переломной эпохи, и мы в театре можем её документировать. Пока у нас есть поле для раздумий, для изучений, нам легче, чем нашим дедушкам — у нас могут отобрать деньги, помещение, но мы каждый месяц делаем премьеру. Это пока не застой, это пока вопрос».

Новые методы

Произведения классики, слишком часто воспроизводимые, быстро теряют смысл для зрителя. Именно поэтому классику нужно заново адаптировать для новых зрителей. Часть этой работы должна проводиться в школе.

Елена Гремина рассказала, как они вместе с артистами работают на уроках литературы, заново открывая произведения: «Мы работаем в школах традиционных, коррекционных, для детей мигрантов. Самые интересные вещи получаются с трудными аудиториями. Самое важное — заставить детей почувствовать, потому что обычно люди идут по поверхности, даже не понимая смысла классики. Именно через эмоцию идёшь к знаниям: если почувствуешь, то потом захочешь больше узнать».

Например, в коррекционной школе они делали «Снежную королеву», и дети сами придумали образ — заморозили розу в морозилке, и потом на уроке пускали её по рядам. Это было сердце Кая, и они его отогревали своим дыханием. А в школе для детей мигрантов, которых Елена характеризует как очень открытых, живых, желающих изучать русский язык, разбирали «Бежин луг» Тургенева. В аудитории поставили три мольберта с ватманами, артистка читала текст, к мольбертам вызвали трёх мальчиков, и они должны были рисовать русскую

Красноярцы слушают Елену Гремину

природу, как они себе её представляют. Историю про «Левшу» адаптировали как историю про гаджеты, про изобретения новых устройств, он был осмыслен как новатор. «Преступление и наказание» — изучено как некая игра, как квест, путь героя: что делал Раскольников в тот или иной момент? Перед детьми стояли и вопросы: быть как Лужин или как Разумихин? Какой выбрать путь в сложившейся ситуации?

Очень интересно было работать артистам по «Евгению Онегину». Чтобы заставить детей поверить в то, что это реальная драма, они вместе с девочками обсуждали письмо Татьяны. Девочки должны были написать ВКонтакте письмо звезде фильма «Сумерки» Роберту ПАТТИНСОНУ, чтобы почувствовать недоступность Онегина. Следующим блоком шла дуэль Ленского и Онегина: «Ведь почему у них возник конфликт — один друг не мог попросить прощения у другого, и это настоящая драма. Мы им рассказали о том, что такое дуэль, разыграли её, обсуждали историю, было ли что-то подобное с ними. Потом мы говорили о «но я другому отдана», и дети всё прекрасно понимали».

Комментарий

Куратор проекта «Che Khov»
Анастасия БЕРЕЗИНСКАЯ — о том, как способен изменить зрителя такой нетипичный фильм, как «Братья Ч»:

— В истории было уже много уроков, которые могут нам помочь двигаться вперёд, строить что-то новое, если правильно их пережить. Изящно придуманное кино стало уникальной возможностью свежим взглядом пробежаться по жизни и творчеству писателя. Крайне лаконичная эстетика фильма, за которой стоит глубокая аналитическая работа с архивными материалами семьи Чеховых, проявляет абсолютно живых, современных нам персонажей. Монтаж документального материала и вымысла истории даёт принципиальную возможность задаться вопросом: а кто мы? Важным элементом документальности, на мой взгляд, является актуальность материала, связь поднятой проблемы с современностью, а не безжизненные факты. Проект показал, как актуализировать документальный материал, художественными средствами реконструировать современные общественные процессы, осмыслив исторический, политический и социальный контекст. И главное — превратить зрителя в участника. Как правило, зритель документального кино или театра узнаёт себя в персонажах, которых он видит на экране или на сцене. А это и есть проживание своей истории через истории разных жизней.

мать, что учебный процесс учитывает их настоящее. Образование должно быть актуальным. Есть известное выражение «учим детей сегодня вчерашнему, а жить им в будущем». Так вот новые формы позволяют детям чувствовать, что школа — это не что-то отжившее, а то место, где можно чему-то научиться для будущего. Поэтому дети воспринимают новые формы очень хорошо, не относятся к этому как к игре или чему-то несерьёзному. Наоборот, у них бывает даже более ответственное отношение, чем к классическому уроку».

Кроме этого, Наталья поделилась собственным примером: на курсах для учителей показывали творческие работы детей по произведениям ТЮТЧЕВА, в том числе сделанный девочкой клип с кадрами из фильма «Сумерки», по ним выплывали строки из стихотворения «О, как убийственно мы любим...». Учителя-гости похихикали, мол, где Тютчев, а где сага... Но учитель, ведущий предмет, прокомментировал: так останется впечатление, эмоция, и это здорово.

Как справедливо замечает Елена Гремина, главное — делать всё в сотрудничестве с учителями и не вредить: «В самом начале мы просто хотели понять, что дети сегодня думают и чувствуют. Мы разбирали те произведения, которые дети сами выбирали путём голосования. И выяснилось, что больше всего голосов получила «Перчатка» ШИЛЛЕРА. То есть эта драматичная история до сих пор прекрасно работает. Каждый раз нужно искать ключ и обязательно работать в контакте со школой. Это наша заповедь: никакой конфронтации, мы приходим помочь. Нужно понимать, что ты уйдёшь на свои подмошки, а люди останутся день и ночь там работать».

Проект «Che Khov» прошёл в рамках проекта «Сцена современных искусств» музейного центра «Площадь Мира» к 155-летию со дня рождения А.П. Чехова в Год литературы в России. Осуществлен при поддержке Фонда Михаила Прохорова

Олеся ПОЗДНЯКОВА

Вещи, изменившие мир

Есть вещи, влияние которых на развитие цивилизации очевидно. Человек изобрёл колесо – и человечество поехало. Придумал порох – и количество потерь в войнах стало неизмеримо более масштабным. Открыл случайно пенициллин – и мы «подсели» на антибиотики. В общем, разжёвывать суть выбранного списка цивилизационных опорных точек мы не будем. Наш читатель – образованный человек.

КОЛЕСО

Известно как минимум с V века до н.э. Значение изобретения в комментариях не нуждается.

ПИСЬМЕННОСТЬ

Наибольшее количество букв – 72 – содержится в кхмерском языке, наименьшее – 12 (a, e, g, i, k, o, p, r, s, t, u, v) – в языке ротокас с острова Бугенвиль, Папуа – Новая Гвинея.

ПОРОХ

Общепринято мнение, что изобретён в Китае. Но вначале использовался скорее для фейерверков, и только позднее – изобретено огнестрельное оружие.

ДЕНЬГИ

По версии Forbes, самый богатый человек в мире – Билл Гейтс: \$79,3 млрд. В России: Владимир Потанин – \$14,8 млрд.

ГОСУДАРСТВО

Стран всего 262, независимых государств – 194.

ХРИСТИАНСТВО

Хотя религий в мире много, именно от рождения Христа человечество ведёт свое летоисчисление. Христиан – 33 % от всего населения мира. В 2011 году в мире насчитывалось свыше 5,1 млн христианских поместных церквей и мест богослужения. Ежегодно число церквей увеличивается на 50 тысяч.

ОТКРЫТИЕ КОПЕРНИКА

Земля вращается вокруг Солнца, а не наоборот. Сочинение Коперника об этом издано в Нюрнберге в 1543 году;

ПЕЧАТНЫЙ СТАНОК

Официальным изобретателем считается немец Иоганн Гуттенберг (1440 г.). Самая толстая газета – воскресный выпуск «Нью-Йорк Таймс» от 14 сентября 1987 г. (5,4 кг, 1612 страниц). А самую многостраничную книгу издал фонд «Min A-kasse» – на её 23675 страницах содержатся правила и нормы, по которым в Дании выдаются пособия по безработице.

ЭЛЕКТРИЧЕСТВО

Феномен привлекал внимание ещё греческого философа Фалеса в VII веке до н.э., но первый в мире генератор электроэнергии и электродвигатель создал Майкл Фарадей в XIX веке. А вот лампу накаливания создал русский электротехник А.Н. Лодыгин.

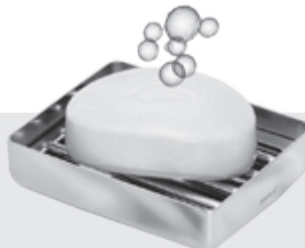
ТЕЛЕГРАФ, РАДИО, ТЕЛЕВИДЕНИЕ

Интересно, что почти все эти технические новшества сегодня способен заменить один маленький телефон.

МЫТЬЕ РУК

Хотя мыло появилось ещё до нашей эры, целенаправленно мыть руки в целях гигиены стали только в XIX веке, резко сократив этим младенческую смертность и массовые эпидемии.

ПРЕОДОЛЕНИЕ ЗЕМНОГО ПРИТЯЖЕНИЯ

Самым длинным беспосадочным перелётом был маршрут Ньюарк (США) – Сингапур, занимавший 19 часов. Самый короткий в мире регулярный пассажирский рейс – перелёт между аэропортами Уэстрей и Папа-Уэстрей на Оркнейских островах в Шотландии (длительность полёта 47 секунд, а рейса в целом – 2 минуты).

ПЕНИЦИЛЛИН

Считается, что открытие первого антибиотика принадлежит Александру Флемингу (Британия), 1928 г.

ИНТЕРНЕТ

«Сеть» и «Всемирная паутина» – из десятка синонимов эти два лучше всего передают смысл инета.

